

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Точка женщины

Наталия Экономцева
Точка женщины

«Экономцева Наталия Игоревна»

2019

Экономцева Н.

Точка женщины / Н. Экономцева — «Экономцева Наталия Игоревна», 2019

У одной женщины было четверо мужчин. Они никогда не встречались. А если бы однажды встретились и начали говорить о своих женщинах, не догадались бы что говорят об одном и том же человеке. Она никого не обманывала и не обижала. Напрасно не обнадеживала. Она просто любила – нежно, страстно, исступленно и горько. А может быть, в ней самой было четыре женщины? Абсолютно женская книжка. Но редкий мужчина выпустит ее из рук, не узнав, чем же все закончится. Elle Неожиданная книга. Хочется зачитать ее до дыр! Men's Health

© Экономцева Н., 2019

© Экономцева Наталия Игоревна, 2019

Содержание

Вода	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталия Экономцева

Точка женщины

Вода

Я. ЛЕТО

Когда она появляется на берегу, я понимаю, что день испорчен. Она подходит к воде, швыряет на землю полотенце и не замедляя темпа врывается в реку. На ходу она толкает нескольких купальщиков, но даже не оборачивается. У нее рыжие волосы и дрожащие губы. Она шлепает босыми ногами с ярко-красными ногтями, и вода сразу же становится беспокойной. Наполняется тревогой, темной тоской и каким-то холодным, безысходным отчаянием. Рыжая ныряет и с головой уходит под воду. Выныривает у ветлы, которая стоит на отмели прямо в воде, забирается на нижнюю ветку и... То, что она делает, – мой самый страшный кошмар. Теперь придется ждать дождя, чтобы вода успокоилась. И не просто дождя – грозы, с бешеным ветром, яростным громом и молниями во все небо.

Рыжая нервно запрокидывает голову и плачет, слезы текут по щекам и падают в воду. И ведь ничего ей не шепнешь: на женщин мои слова не слишком действуют, особенно днем и в новолунье. Она рыдает в голос и не может остановиться. Мой самый кошмарный кошмар.

У меня нет души и нет памяти. Я водяница. Может, я живу в этой реке несколько тысяч лет, а может всего пару сотен. Точно не знаю, ведь вся моя память – в воде, а вода постоянно обновляется и поэтому остается свежей и чистой. Мне нельзя выходить из реки. Если я выйду, окажется, что моя память отдельно от меня (или я отдельно от памяти, как вам больше нравится), и тогда я сойду с ума и сгину. Впрочем, никто точно не знает, до какой именно степени водянице нельзя выходить из воды. Говорят, надо, чтобы хоть какая-то связь оставалась, хоть бы самая маленькая. Однажды я пробовала трогать рукой берег и еще один раз наступила лапой на траву, правда голову на всякий случай держала в воде. И ничего. Моя память осталась со мной. В следующий раз попробую высунуть сразу обе лапы, посмотрим, что получится.

Если вы спросите меня, зачем я сижу в этой реке, придется честно ответить, что я точно не знаю. Но говорят, что вода, при всей ее чистоте и прозрачности, – стихия темная, а потому питается ужасом. И вот именно этот ужас я обеспечиваю. Есть разные методы. Иногда дожидаясь, пока компания подгулявших дачников придет купаться в сумерки, и проплываю близко-близко к самому горластому. Я задеваю его холодным плечом или спиной, еле касаюсь волосами. И в то же мгновение крикуна сковывает по рукам и ногам такой леденящий ужас, что на несколько секунд он замирает, опрометью бежит из воды и потом очень долго не решается купаться даже в ванне.

Мне не обязательно к ним прикасаться. Иногда достаточно шепнуть два-три слова, беззвучно шевельнув губами, и они бегут от меня, сами не понимая, что за напасть гонит их из прохладной реки в такую жару.

Самым занятым я показываюсь на глаза: бесшумно выныриваю из воды и встряхиваю волосами, в которых запутались кусочки водорослей. Я знаю, что красива, но все-таки каждый раз поражаюсь, когда вижу в их глазах восторг, смешанный с ужасом. У меня очень бледная кожа. Она и не может быть другой, ведь я никогда не выхожу из воды. Глаза очень темные; волосы, разумеется, мокрые. Единственное, о чем я жалею, – так это о бледно-сиреневых губах.

Но если уж совсем начистоту, то на цвет моих губ еще никто не жаловался. И если несколько раз их куснуть, они немного оживают. У меня тонкие плечи и руки. Маленькая грудь и темные соски, которые торчат в разные стороны, как кнопочки. Талия очень плавная и нежная, ведь вода не любит резких движений. Самое интересное, как вы догадываетесь, начинается ниже талии, хоть это и совсем не то, о чем вы подумали. Я-то говорю о ногах... Мои ноги покрыты густой шерстью, а заканчиваются широкими перепончатыми лапами. Разочарованы? Но на самом-то деле в этом нет ничего удивительного: когда постоянно сидишь в воде, недолго и замерзнуть. И если нет ни плавников, ни хвоста, что кроме перепончатых лап, поможет мне плавать быстро и бесшумно? Словом, я не в обиде. К тому же совсем не обязательно высывать лапы из воды, чтобы показывать всем и каждому. Вот я и не показываю.

Моя главная сила во взгляде. Говорят, водяница смотрит прямо в сердце, но это ерунда. Я не вижу, что за тайны вы прячете в своем сердце – их чувствует вода. Она проглатывает вас вместе со всеми вашими секретами и отдает мне. Вот потому-то я знаю, что творится у вас на сердце. Волноваться не стоит: у меня нет ни души, ни памяти, а значит я не подведу и не разболтаю. А если кто-то очень мне понравится, я могу и помочь. Прошли те времена, когда в каждую полнолунную ночь водянице нужно было заманить в воду молодого мужчину и напитать реку его предсмертным ужасом. Сейчас все проще – хватает обычного переполоха.

Женщин я чувствую лучше, чем мужчин, но трогаю гораздо реже. От них сложнее добиться чистых эмоций, которыми я питаюсь. Испуг, радость, гнев, тоска, вожделение, – ничего этого у женщины почти невозможно вызвать в чистом виде. Все у них перемешано и запутано. То ли дело у мужчин: если уж испугался как следует, то почти всегда до микроинсульта.

Рыжая рыдает так долго, что я устаю возмущаться и понемногу начинаю к ней прислушиваться. Вода обнимает Рыжую, вода обнимает меняяаяаяаяя...

Вот уже несколько месяцев рыжая Анна просыпается с улыбкой на губах. Вернее, просыпается-то она с обычным спокойным лицом, но спохватывается через долю секунды после того, как сон оставляет ее складное белокожее тело. Одного этого достаточно, чтобы понять: дела плохи. Но это еще не все. Сразу после вымученной улыбки Рыжая смотрит в окно и говорит себе, что день сегодня замечательный и что именно сегодня ее ждет что-то приятное. А это значит – дела значительно хуже среднего. Хотя бы потому, что по-настоящему счастливые люди не говорят сами с собой, ведь им есть с кем разговаривать по утрам. В глубине души Рыжая, конечно же, это понимает, но скорее будет раз в год до одури рыдать в реке, чем понемногу расстраиваться каждый день.

РЫЖАЯ, ЗИМА

В ее офисе над входной дверью подвешен колокольчик. Здесь Рыжая рассказывает людям сказки. Дверь открывается.

Дзыыынь!

Ее сказки начинаются не словами «жили-были», а неперменным вопросом: «Куда вы хотели бы поехать?» На который кстати все, кто приходит, отвечают совершенно одинаково, и от одного этого можно разрыдаться. Рыжая сотни раз давала себе слово начинать сказку с какого-нибудь другого вопроса и ровно два раза попробовала это сделать. В первый раз она спросила вошедшего: «Куда бы мне вас послать?», не получила вразумительного ответа, но была оштрафована на десять процентов зарплаты. Во второй раз она спросила «Что я могу для вас сделать?», получила от посетителя довольно детальный ответ, после которого пришлось вызвать охрану, и в итоге она была оштрафована на двадцать процентов. Поразмыслив

на досуге о достоинствах и недостатках разнообразия, Рыжая вернулась к исходному вопросу «Куда вы хотели бы поехать?» Но это не значит, что она смирилась с ним навсегда.

Дзыыыыыыыыыыынь!

Дверь открывается.

Рыжая достает с полки свои разноцветные каталоги с фотографиями тропических лесов и старинных замков. Раскладывает их на столе и улыбается так, словно всю жизнь ждала вашего появления. Именно вашего, вы не ошиблись. На самом деле вы ей глубоко противны, а в лучшем случае безразличны. Впрочем, если вы мужчина приятной наружности и в самом расцвете лет, не исключено, что вы ей действительно интересны. Но это еще не дает вам повода думать, что она и правда вас ждала. Недавно Рыжая осознала, что научилась видеть своих посетителей насквозь. И если кто и умеет смотреть прямо в сердце, так это она.

– Куда вы хотели бы поехать?

Вошедший переступает с ноги на ногу и ставит на пол пластиковый пакет.

– Нууу, куда-нибудь, где можно хорошо отдохнуть...

Посетитель ей не нравится. Да что там, он из тех, кто ей просто отвратителен, – маленький, жирный, заносчивый слизняк. Внутри у Рыжей все клокочет, но она не подает виду. Ей и без вопросов видно, куда нужно человеку с пакетом. Туда, где он не будет старым полнеющим засранцем с проплешиной на затылке, которая становится все более очевидной. Туда, где можно ощутить себя королем, имея в кармане сотню долларов. Где нет ни высокомерного соседа, который не желает с ним здороваться, ни симпатичной продавщицы из магазина напротив, которая даже не смотрит в его сторону. Рыжая и сама бы не посмотрела, если бы не дверь с колокольчиком.

– Мне кажется, я знаю, что вам нужно.

Она загадочно улыбается и подходит к шкафу, хотя никакой загадки здесь нет. Три верхние полки битком набиты сказками для стареющих путешественников. Для отвода глаз она достает сразу несколько буклетов, отлично понимая, что будет достаточно только одного, с фотографиями маленького тайского острова. Несколько кадров – и глаза вошедшего загораются. Высоченные деревья, разноцветные коктейли в бокалах размером с голову младенца. Смуглые девушки, на вид почти девчонки, радостно замирают на коленях у засранцев, еще более уродливых, чем он сам. Он бы вылетел прямо сегодня, но первый свободный рейс только через 8 дней. Страшно подумать, как он их выдержит. Рыжая рычит ему вслед и брезгливо запихивает каталоги обратно в шкаф. Сказка продана, и Рыжей плевать, что в первую же ночь в романтическом бунгало ее посетителя укусит ядовитый скорпион. Что нога засранца покроется красными пятнами и раздуется так, что он не сможет натянуть штаны. И что его без штанов понесут в носилках до местной больницы, где он проваляется все оставшиеся 14 дней и 14 ночей своего сказочного путешествия, а на пятнадцатый день его в полубреду посадят в самолет и отправят домой. И что пролетая над океаном, он напьется вдрызг и будет безуспешно вспоминать имя рыжей курвы, которая показывала ему фотографии в каталоге.

Рыжая плачет не над этим. Какое ей дело до чужих сказок? Она только придумывает и продает, а если кто-то принял ее выдумку за чистую монету, так это его сложности.

Дзыыыыыыынь!

Дверь открывается.

– Куда вы хотели бы поехать?

– Знаете, мне все равно. Главное, чтобы можно было хорошо отдохнуть.

Ухоженная сорокалетняя дама, определенно, с разбитым сердцем, Рыжая ни секунды в этом не сомневается. На лице дамы ни одного изъяна, на руках – ни одного кольца, и когда она двигается, осколки ее разбитого сердца звенят практически вслух. Рыжая Анна знать не знает, кто разбил это прохладное сердце, впитавшее тончайший аромат дорогих духов. Это тот случай, который ей совершенно безразличен. Но она безошибочно раскрывает каталог на

фотографии маленькой греческой деревни на вершине скалы. Крошечный белый домик на скалистом выступе, над огромным синим морем. Там не надо быть на виду, не надо держать себя в руках и совсем не обязательно с кем-то разговаривать. Рыжая отправляет даму в этот безлюдный греческий рай, не забыв удвоить свои комиссионные. И ей нет дела до того, что на острове дама встретит юношу, с которым у нее нет ни одного общего языка, кроме языка любви. Что все ее пять безупречных европейских языков окажутся бесполезны. Что ухоженная дама проведет с пастухом одну-единственную ночь, после которой ее сердце окажется склеено и вновь безнадежно разбито: наутро грек бесследно исчезнет, а окружающие будут делать вид, что его никогда и не было. Что дама будет расспрашивать всех и каждого на пяти своих европейских языках, но в ответ не услышит ни слова: а когда она позвонит в полицию, ее сгоряча сочтут помощницей проправшего пастуха, которого, оказывается, уже не первый год искали. Рыжей все равно, что влиятельные друзья смогут вытащить даму из тюрьмы только через три недели, и она вернется домой с нервным срывом и глубокими морщинами вокруг глаз. И еще несколько лет подряд будет просыпаться по ночам от щемящей боли в области сердца.

Рыжей это и в голову не приходит, но все придуманные ею сказки с некоторых пор превращаются в кошмар. Она сажает людей на самолеты, которые падают в океан. Она покупает им билеты на поезда, которые по техническим причинам трое суток стоят среди пустыни. Она бронирует места в пятизвездочном отеле, где повар-араб и в знак протеста приправляет континентальный завтрак цианистым калием. Рыжая Анна даже не знает о том, что это случается. Ведь те, кого она отправила отдыхать, почти никогда не возвращаются обратно. А если и возвращаются, то считают свое спасение такими удивительным чудом, что боятся гневить небеса претензиями к туроператору.

Она плачет не поэтому. У нее есть более важное основание для слез: ей скоро тридцать, и каждый год из этих тридцати она была одна. Строго говоря, у нее, конечно же, были мужчины. Но откуда они появлялись и главное – куда пропадали – так и осталось для нее загадкой. Рыжая бормочет:

– Как же мне плоооохоооо.....

И всхлипывает так, что хочется бежать из воды как можно дальше. И если бы у меня была своя собственная память, я бы так и сделала, не сомневайтесь. Но памяти у меня нет, и я просто опускаюсь на самое дно. Нас с Рыжей разделяют три метра воды, но из глубины я чувствую, как дрожат ее плечи. Она слишком долго не плакала, это понятно. Ладно, пусть рыдает. Не буду ей мешать. Может быть, даже спою ей колыбельную. Конечно, сейчас она ее не услышит, но вечером тихая песенка как будто из ниоткуда всплывет у нее в голове. И Рыжая первый раз за несколько месяцев спокойно проспит до утра.

Я. ЛЕТО

Пока Рыжая, даже не успев удивиться нахлынувшему на нее умиротворению, незаметно проваливается в сон в бабушкином дачном домике, я буквально не нахожу себе места. Вода наполнилась ее слезами и бурлит. Бурлят отражения деревьев, бурлят силуэты светлых камней на дне, бурлят камыши и дрожат кувшинки. До ближайшей грозы покоя ждать не придется. Если, конечно, лунной ночью в воде не поцелуются двое влюбленных, причем не просто чмокнут друг друга губами – с тем же успехом в воду можно плюнуть. Поцелуй должен быть настоящим – чувственным, трепетным, нежным. Но на это надежды практически никакой. В наши дни нет желающих мокнуть среди ночи в темной реке, а уж если кто и входит в воду, то уже не до поцелуев: смотрят под ноги, чтоб не наступить ненароком на камень, отбиваются от комаров и торопятся домой под одеяло. Несчастные! Вот подумайте, например: почему в последнее время совсем нет русалок? Многие даже считают, что их никогда и не было, а если находят на дне странную корягу, похожую на девушку с рыбьим хвостом, то тащат ее домой,

покрывают лаком и удивляются: надо же, совсем как русалка! Идиоты. Это и есть русалка. Русалка, которая засохла прямо в реке. От тоски. От грусти. От одиночества. Говорят, что коварные русалки заманивают мужчин в воду, чтобы защекотать их до смерти, но это полная чушь. Русалки заманивают их для того, чтобы дать реке новую жизнь: в их руках мужчина хохочет не столько до смерти, сколько до последнего своего оргазма. Благодаря нескольким каплям, которые попадают в воду, появляются на свет маленькие смешливые русалочки. Вернее, должны бы появляться, но их нет. А все потому, что сейчас практически невозможно найти мужчину, который умел бы как следует смеяться. Так, прищуривают глаза, кривят губы в улыбке. А хохотать, забыв все на свете, не могут. Поэтому русалки засыхают, сидя прямо посередине реки, а потом вы наступаете на изогнутый хвост и ругаетесь, потому что оцарапали ногу и теперь наверняка придется делать укол от столбняка. Вот и весь оргазм.

РЫЖАЯ. ЗИМА

Дзыынь! Дверь открывается.

Он входит, чуть прищуриваясь и смахивая снежинки с воротника пальто. На волосах снег уже растаял, они стали влажными, свернулись колечками и блестят. Рыжая поднимает на него глаза, в которых ясно читается интерес.

– Куда бы вы хотели поехать?

– Совершенно дурацкая ситуация, но я сам не знаю... Куда-нибудь, где тепло и не очень шумно. А если еще можно плавать с аквалангом. Собственно, я не умею, но если там можно научиться... В Египте, наверное, еще холодно? Может быть, Шри Ланка? И чтобы улететь прямо сейчас! То есть, – он очаровательно смущается, – прямо на этой неделе, если можно.

Рыжая и сама смущается. С ума сойти, он что... знает, куда хочет поехать? Подождите, может быть, он вообще знает, чего хочет? Рыжая так удивлена, что даже не понимает, с какой полки взять каталог. Спокойно. Главное не спугнуть. Не спугнуть вот это ощущение! Первый раз в жизни ей действительно хочется придумать кому-то сказку, но она как на зло, не знает, с чего начать. Она открывает наугад несколько страниц, но они кажутся какими-то блеклыми. Она смотрит в монитор, пытаясь загадочно улыбаться, но понимает, что у нее ничего не получается. Наконец она поднимает глаза на вошедшего и еле слышно говорит:

– Я могу отправить вас на Шри Ланка, без проблем. Но вот только... хочется предложить вам что-нибудь поинтересней. Подождите до завтра. Я перезвоню вам утром и все расскажу.

Рыжая готова к тому, что посетитель будет сердиться. Они все моментально выходят из себя, узнав, что отель с третьей страницы закрылся на ремонт или что за массаж придется доплатить отдельно. А уж предложение подождать, пусть даже несколько минут, вызывает кошмарные приступы ярости. Рыжая готова к тому, что он сейчас встанет и уйдет, хлопнув дверью. Или еще хуже – тихим холодным голосом нажалуется начальнице. Но он не кричит. Просто встает, протягивает ей карточку с телефоном и уходит, очень аккуратно прикрыв за собой дверь. Рыжая Анна замирает от удовольствия и начинает придумывать свою волшебную сказку. Она ворочается с боку на бок всю ночь, а утром звонит своему вчерашнему посетителю и предлагает поехать в Мексику. Там, на побережье, есть городок, где огромные кактусы растут на песке прямо у воды, черепахи ползают у линии прилива, закапывая свои яйца, а небо такое синее и бездонное, что здравомыслящему человеку никогда не придет в голову надеть акваланг и нырнуть под воду. Все это она говорит ему в трубку, и он отвечает, что в жизни не слышал ничего приятней.

Рыжая продает ему сказку, забыв о комиссионных. И когда он появляется в ее офисе, чтобы забрать паспорт и билеты, она с трудом удерживается, чтобы не сказать, что будет ждать его возвращения. Он уходит, и только через несколько минут она замечает, что он забыл на стуле книжку – большую, красочную, похожую на детскую. «Энциклопедия вымышленных

существ». Рыжая улыбается. Он и сам похож на вымышленное существо: слишком уж хорош для реальной жизни. Она убирает его книжку в шкаф и первый раз в жизни ждет, что путешественник вернется. Несколько недель Рыжая вздрагивает при каждом звоне колокольчика.

Она не знает, что в Мексике ее посетитель, бросив чемодан в гостинице, побежит к морю. Что он увидит кактусы, которые растут прямо у воды, и черепах, которые ползают по линии прибоя. Что он пролежит на песке целую ночь, не в силах сомкнуть глаза. А утром все-таки наденет акваланг и нырнет с ним в воду. И что в воде ему откроется такая красота, по сравнению с которой все небеса на свете – просто какая-то глупость. Что вынырнув из воды, он выпьет водки, настоенной на кактусах, попытается вспомнить имя Рыжей женщины, которая рано утром рассказала ему эту сказку посреди заснеженного города. Он думает, что когда вернется домой, то обязательно позвонит ей и скажет «спасибо». Их мысли друг о друге совпадают, и это прекрасно. Загвоздка только одна: после второго погружения у него произойдет разгерметизация акваланга, и ныряльщик останется в компании кораллов и разноцветных рыбок навсегда.

Через месяц Рыжая решает ему позвонить. Она набирает номер, и неживой металлический голос сообщает ей, что абонент заблокирован и потому временно для нее не доступен. И сама не зная почему, Рыжая понимает, что перезванивать бесполезно.

Разумеется, на следующий день Рыжая появляется на берегу опять. Глаза снова красные и полны слез, но лицо на редкость сосредоточенное. Вот и делай после этого людям добро. Конечно, она решила, что ей так чудесно спалось потому, что она отлично поплавала перед сном. А то, что она не проплыла и ста метров, а только рыдала, сидя на дереве, причем не перед сном, а с самого утра, просто не приходит в ее рыжую голову. Она с разбегу ныряет в воду и начинает сосредоточенно плавать туда-сюда. Ждет, когда же на нее снизойдет долгожданный покой. Покоя, конечно же, нет и в помине, потому что я не собираюсь баюкать ее каждый день, чтобы Рыжей сладко спалось в деревянном бабушкином домике. Я ухожу на дно и закрываю глаза. Пусть плавает. В конце концов, может ей действительно станет легче. А мне нет дела до того, что снится Рыжей, когда она кладет голову на вышитую подушку и накрывается лоскутным одеялом. Я не разговариваю с женщинами. Но впрочем, если нет ничего поинтересней, могу послушать про ее мужчин.

Дзыыыыыыыынь!

Дверь открывается.

– Слушайте, почему у вас петли так скрипят? – вошедший ставит на пол спортивную сумку и моментально берется за дело. – Масло есть?

Рыжая удивленно раскрывает глаза. Он что, перепутал офисы? Или продает дверную смазку? Или что... просто взял и решил ей помочь?!

– Оливковое, для салата...

– Давай! – радуется он, берет бутылочку, плюет на руки и действительно начинает мазать петли.

С ума сойти. Он плюет на руки! Это так мужественно... Рыжая так радуется, что даже забывает спросить, куда он хотел бы поехать. А между тем, спортсмен заканчивает смазку петель, несколько раз закрывает и открывает дверь, чтобы убедиться, что все порядке. Ставит на стол бутылочку с маслом и весело кричит:

– Ну ладно, бывай!

Рыжая еще хлопает глазами от изумления, когда дверь открывается снова.

Дзыыыыыыыыыыыыыыыыыынь!

– Нет, подождите-ка! – хохочет спортсмен. – Я ж пришел к вам, чтобы вы меня отдыхать отправили! В гооооры!

Рыжая неслушающимися руками достает с полки несколько каталогов и раскладывает по столу. Альпы, Анды, Пиренеи и даже кавказская гора Машук.

– Да все равно мне, красавица! – грохочет спортсмен. – Главное, чтоб было куда забираться, и воздух чистый!

В этот раз она берет все в свои руки, от начала и до конца, и решает сама ехать вместе с жизнерадостным спортсменом. И придумывает сказку на двоих: Анды, схематичные рисунки, сделанные тысячи лет назад, каменные фигуры с суровыми лицами, пещеры, подъемы, спуски, молчаливый проводник и палатка за плечами.

– Кстати, – улыбается Рыжая, через две недели вручая спортсмену билет и полис медицинского страхования, – я и сама поеду по тому же маршруту. Рекламный тур...

– Вот и ладненько! – радуется тот. – Не заскучаем!

Они встречаются в аэропорту, вместе проходят таможенную и сдают багаж. Вот там-то Рыжая цепляется ногой за ремень сумки, взмахивает руками, падает и ломает левую ногу. И пока ее, рыдающую и уверяющую, что она вполне может сесть в самолет, увозят на каталке, спортсмен в одиночестве проходит паспортный контроль и направляется на посадку. Лежа в ожидании скорой на жесткой кровати медицинского пункта, Рыжая видит в окне взлетное поле и огромный белый самолет, который уносит спортсмена и его багаж навстречу Андам и молчаливому проводнику.

Я. ЛЕТО

Когда Рыжая выходит из воды, у нее довольно ощутимо дрожат руки и коленки. И дело уже не в том, что ей скоро тридцать, а в том, что на этот раз она действительно плавала почти полтора часа, практически не останавливаясь. Она с трудом вываливается на берег, забирает свое полотенце и уходит. Вода не становится спокойней, но сегодня Рыжая хотя бы не рыдала, и на том спасибо. Постепенно сгущаются сумерки, но река по-прежнему бурлит. Из такой реки бежать бы восояси, да ведь нельзя... Иногда мне кажется, что ни души, ни памяти у водяницы нет как раз для того, чтобы она не сбежала из своей воды и хоть как-то сглаживала ее настроения. Тоска зеленая...

Но если уж на то пошло, то я ведь давно собиралась высунуть из воды сразу две лапы. Я это сделаю сегодня. Прямо сейчас. Лучшего случая и придумать невозможно. Я подплываю к берегу, сначала аккуратно нащупываю землю одной лапой, потом медленно вытаскиваю из воды вторую. Чувствую траву, очень мягкую и теплую, ведь на берегу гораздо теплее, чем в воде. Попадаются камушки и еще что-то удивительное, кажется шишка. Если подтолкнуть ее лапой к воде, то потом можно будет спокойно рассмотреть. Сейчас рассматривать не получится: голову-то я на всякий случай все равно держу в воде. Я начинаю подталкивать шишку, и вдруг...

– Эй, ты там купаешься или тонешь?

От неожиданности я поднимаю голову высоко из воды и понимаю, что единственное место, которое сейчас объединяет меня с рекой, – это мой живот. В панике я сую голову обратно в воду и прячу лапы, поднимая фонтан брызг. Спокойно, все в порядке. Моя память со мной, ничего не случилось. Я перевожу дыхание и всплываю на поверхность.

– Ну наконец-то! А то я уже собрался прыгать за тобой в воду! Разве интересно нырять в такой темноте? Ничего же не видно.

Лунная ночь, мужчина на берегу – это именно то, что сейчас нужно мне и воде. Еще один глубокий вдох. И еще один. Все, что мне надо сделать, – это как следует его позвать, и тогда... Только через несколько мгновений мне в голову приходит очень странная мысль: он увидел меня в воде! Увидел сам, хотя я совсем не собиралась показываться ему на глаза. Я никогда не слышала о том, чтобы человек мог увидеть водяницу, если она сама этого не захочет. И

тем более, ее напугать. Хотя и о водяницах, которые высовывают лапы на берег, я тоже не слышала... Может быть, я действительно слишком сильно высунулась из воды и память уже не та, что раньше?

Я встраиваю головой, и мокрые кудряшки разлетаются в стороны. Раз уж он меня увидел, пусть полюбуется.

– А ты что же, теперь прыгать передумал?

На фоне темнеющего неба он выглядит как высокая стройная тень. Лица не видно. Собственной памяти у меня нет, но почему-то этот силуэт кажется мне знакомым. Как будто я видела его раньше, вот только где? Я прикрываю глаза и жду, когда вода мне подскажет... Вода не подсказывает. Что ж, бывает и такое, значит, то, о чем я забыла, не так уже важно. Большинство купальщиков приходят сюда много раз подряд. Место тут не особенно людное, но если кто-то полюбил купаться именно здесь, где, река с обеих сторон окружена тенистыми деревьями, а течение такое быстрое, что вода в любую погоду кажется ледяной, то будет приходить снова и снова. Может быть, они чувствуют присутствие волшебства. А может – просто отдают дань привычкам. Не исключено, что этот мужчина бывает здесь часто. Просто при свете дня я не удосужилась его как следует разглядеть. Водяница не обязана разглядывать каждого мужчину, который входит в воду. В конце концов их много, а я одна. Он неторопясь усаживается на берег и задумчиво отвечает:

– Сам удивляюсь! Я целый день мечтал о том, чтобы искупаться. Специально из Москвы приехал, от машины чуть ли не бегом бежал. А сейчас понимаю, что купаться не хочу. Вот не хочу и все тут! Странно, да?

– Ничего странного, – говорю я, но больше даже не ему, а самой себе. Так видел он мои лапы или нет? Если видел, почему не убегает? А если не видел, почему не идет в воду?

– А ты уже давно купаешься? Наверное, замерзла, да?

– Я в воде не мерзну.

– Брось, в воде мерзнут все, – говорит он, и его интонация тоже кажется мне смутно знакомой.

– Я – нет.

В сумерках вспыхивает яркий огонек фонарика. Оказавшись на свету, я как можно скорее кусаю губы. Он внимательно смотрит на меня, а потом начинает изучать берег. Оглядывает его, сантиметр за сантиметром, как будто что-то ищет.

– Слушай, – наконец говорит он, и его голос мне очень не нравится, – а где твоя одежда?

– На том берегу, – беззаботно вру я. Водяницам врать не возбраняется.

– Так там же лес! С той стороны нельзя подъехать!

– А я пешком пришла.

– Откуда? На той стороне до самой близкой деревни километров десять!

– А я люблю пешком ходить.

– И обратно пойдешь? Сейчас? В темноте через лес? Где твоя машина? Или велосипед? – его голос становится все более напряженным.

– У меня нет ни машины, ни велосипеда, – совершенно честно признаюсь я. – А в том, чтобы ходить в темноте через лес, нет ничего сложного. Если точно знаешь, куда хочешь прийти, конечно. Вот если не знаешь, то запросто дашь сбить себя с пути...

– И ты не боишься? – тихо спрашивает он.

Я качаю головой. Ночью в реке есть только одно важное правило: не бойся самого страшного. Умение не бояться самого страшного спасало многих, приходивших на этот берег до него, и наверное, спасет многих после. Но ему незачем знать об этом. Я тихонько смеюсь.

Мужчина поднимается, выключает фонарик, чертыхается и снова включает.

– Знаешь, я пожалуй пойду...

– Да? Уже?

Он не отвечает. Он уходит очень быстро и несколько раз оглядывается, как будто проверяя, не бегу ли я за ним. Все-таки напугала! Даже без помощи воды! Его страх не был ни леденящим, ни смертельным. Он был скорее разумным, ну и что же? Водянице любой страх хорош. Особенно после того, что уже три дня подряд тут устраивает Рыжая. Я ложусь на спину и чувствую, как его страх, остывая, медленно спускается из воздуха в воду. Он накрывает меня, как будто засыпает первым снежком. Вода вздрагивает, покрывается мелкой рябью, и у меня по спине бегут сотни маленьких юрких мурашек. Я закусываю губу, чтобы не застонать от наслаждения. И нечего усмехаться. У каждого свои удовольствия.

РЫЖАЯ. ВЕСНА

Скриииииииииип...

Дверь открывается. Рыжая с трудом раскрывает глаза и смотрит на мужчину в белом халате, который стоит над ней. Пятница, восемь часов утра, утренний обход с целью выяснить, как заживает сложный перелом пациентки. В первый момент абсолютно реальный доктор смешивается в сознании Рыжей с обрывками очень странного димедролового сна. Она пытается сообразить, чему же верить. Хочет провалиться обратно в разноцветные виденья, но доктор наклонился над ней и улыбается. Доктор смотрит на Рыжую. Рыжая смотрит на него. Ее взгляд цепляется за его взгляд, обнимает, притягивает к себе, обещает, удивляется, удивляет.

– Меня зовут Анна, – шепчет Рыжая.

– Меня зовут Илья, – сам удивляясь своим словам, сообщает доктор, а потом добавляет все еще деловитым тоном, но уже понимая, что мысли его убегают в несколько странном направлении, – Вот что, Анна, я смотрел ваши снимки. Завтра утром вас выписываем. Так что после завтрака, – здесь он уже понимает, что говорит нечто совершенно невообразимое, но остановиться не может, – после завтрака я повезу вас домой на своей машине...

Рыжая только кивает и проваливается обратно в свой димедроловый сон. Успевая вполне трезво подумать, что доктор очень хорош собой и – уже не вполне трезво – что если было бы можно, она взяла бы его в свое сновиденье.

Если еще вчера яркое солнце обещало очень скорый приход весны, то на следующее утро весной и не пахнет. Снег падает небольшими колючими хлопьями, небо абсолютно серое и нет ни малейшего намека на то, что солнце все-таки появится. Рыжая лежит под одеялом и чувствует себя отвратительно. Во-первых, она почти никогда не видит снов, и вся та чехарда образов, что свалилась на ее рыжую голову под воздействием обезболивающих, просто-напросто сбивает ее с толку. Взять доктора с собой? И ехать с ним домой на его машине? Так ли он хорош, как это показалось накануне? Уставившись в потолок, она в который раз перечисляет про себя причины своего страха. Во-первых, она до сих пор не научилась как следует управляться с костылями, и каждый раз, когда ей нужно подняться, она боится, что они заскользят по полу. И что она, со своим громадным гипсом и неподвижной ногой, свалится на пол. Во-вторых, она с ужасом ждет возвращения боли. И хотя со времени перелома прошло две недели, она до сих пор не может поверить в то, что боль ушла навсегда. В-третьих, Рыжая боится, что доктор не придет. Хотя, если бы она потрудилась быть честной с самой собой, то наверняка поставила бы этот третий страх на первое место. Девять утра. Время обхода давно миновало, но к ней никто не зашел. Рыжая тихо лежит в своей одноместной платной палате, пытаясь собрать волю в кулак и подняться. Бесполезно. Она только сильнее боится и все больше жалеет себя. На тумбочке у кровати шампунь и пакет с косметикой. У нее нет сил, чтобы дотянуться до зеркала, но и без него она ясно видит свое отражение: волосы две недели немыты и ни разу за это время как следует не причесаны. Скатались в тусклые колючие сосульки и торчат в разные стороны. Лицо бледное, под глазами синяки, руки в заусенцах, а взгляд потух. И даже если

допустить, что доктор сейчас появится, захочет ли он везти ее, такую, на своей машине домой? Но даже это не так унизительно, как дожидаться его с самого утра при полном макияже и к обеду понять, что он просто не придет.

Когда в одиннадцать доктор появляется в палате, свежий и благоухающий, Рыжая не верит своим глазам. Он смотрит на нее критически и удивляется:

– До сих пор не готова? И даже вещи не собрала?

Рыжая поднимает на него глаза. Она смотрит на доктора. Доктор смотрит на нее. И снова ее взгляд притягивает, обвивается и обещает удивить. Сегодня Рыжая видит, что доктор не только хорош собой, но еще и подозрительно молод. Его светлые волосы весело взлохмачены, а из-под отглаженного халата выглядывают ноги в джинсах и кроссовках. Она думает о том, что если бы могла выбирать, то никогда не стала бы пациенткой такого легкомысленного типа. Он думает о том, что как только она выйдет на улицу, ее нос наверняка покроется кучей веснушек.

– Где ваша сумка? – спрашивает доктор.

Когда они подъезжают к ее дому, снег, вопреки всем утренним ожиданиям, прекращается. Облака рассеиваются, и выглядывает ласковое, совсем весеннее солнце. Рыжая впервые за много дней улыбается и болтает без перерыва. Доктор помогает ей выбраться из машины, открывает дверь и вызывает лифт. На лестничной клетке их ждет сюрприз: невысокий, крепко сложенный молодой человек.

Это спортсмен.

– Ну наконец-то! – радостно объявляет он. – Добралась, болезная! А я в этих горах голову сломал: как ты тут без меня, а? Прямо из аэропорта – к тебе!

Доктор совсем не ожидал такого поворота и явно расстроен. Он грустно смотрит на Рыжую («Ну что же ты раньше не сказала?») и неловко улыбается спортсмену («Извини, не знал, уже ухожу»). После чего молча ставит на пол ее сумку, кивает, без единого слова входит в лифт, двери закрываются. Если бы не костыли, она наверное, бросилась бы бегом с четвертого этажа на первый. Если бы она была смелее, то в ту же секунду спустила бы с лестницы спортсмена, который – очевидно же – виноват во всех ее несчастьях. Но костыли есть, и она трусиха, поэтому просто дожидается, пока лифт остановится внизу, и кричит изо всех сил:

– Доктор, вы не поняли!

Где-то внизу громко хлопает входная дверь. Он считает, что все понял, а мысль о том, чтобы участвовать в выяснении чужих отношений, кажется ему отвратительной. Ведь на самом деле он не так молод и беспечен, как можно подумать.

На безоблачном лице спортсмена мелькает беспокойство.

– Кажется, неловко получилось... Хочешь, я догоню?

– Как хотите, – вздыхает Рыжая. Она открывает дверь, с трудом поднимает сумку и входит в квартиру. Слышно, как спортсмен, не дожидаясь лифта, бежит по лестнице вниз. Рыжая садится на стул в коридоре и бесстрастно ждет: кто из них вернется?

Минут через пятнадцать становится понятно, что не придет ни один. Рыжая встает, снимает куртку и вешает ее на крючок. Причем проделывая эту в общем-то несложную операцию, ей приходится держаться за стену, чтобы не упасть.

Примерно в то же время доктор резко жмет на газ и ругает себя последними словами. Только что он видел, как спортсмен выбежал из подъезда, оглянулся по сторонам, заметил доктора в машине, помялся с ноги на ногу и ушел прочь. Доктор не доволен собой. Спрашивается, с чего это он так разнервничался? В самом деле, он ведь не думал, что эта рыжая женщина всю жизнь ждала его появления? Доктор понимает, что надо бы вернуться и как-то объяснить свой уход, но вместо этого резко жмет на газ, выезжая из двора. И потом еще раз – вливаясь в поток машин на проезжей части. Его колесо аккуратно попадает на тонкую полосу льда. И как раз в тот момент, когда Рыжая хватается за стену, чтобы не упасть, машина доктора не успевает остановиться на красный и ударяется в раскрашенный бок троллейбуса. Доктор ругается, сжав

зубы. На нем нет ни единой царапины, но двери заклинило. Он пытается открыть все окна и двери попеременно, но без толку.

Через полчаса Рыжей удается найти тапочки и заварить чай. Под окнами собралась непомерная даже по московским масштабам пробка. Машины сигналият и мешают ей сосредоточиться. Она раздраженно закрывает жалюзи и капает в рюмку несколько капель снотворного, представляя, как доктор уносится прочь из ее жизни, даже не успев по-настоящему появиться. Между тем, доктор – причина этой непомерной даже по московским масштабам пробки – сидит в машине прямо под окнами Рыжей, в ожидании помощи. Под обманчивым весенним солнцем он проводит три с половиной часа, из них два с половиной – в холодной машине без бензина. Конечно, он мог бы выбить стекло и выйти. Но ему все равно. И еще через две недели, когда Рыжая приезжает в больницу, чтобы снять гипс, в соседнем отделении самая симпатичная медсестра как раз делает доктору укол антибиотиков от воспаления легких. А Рыжую встречает неразговорчивый пожилой врач. «Вот это специалист, которому можно доверять», но это не мешает ей сходить с ума по другому поводу: неужели доктор специально сбавил ее этому старому пню?

Я. ЛЕТО

Вода сегодня на удивление приятная – ледяная, прозрачная, все еще пропитанная страхом сбежавшего мужчины. Я растягиваюсь прямо на поверхности, подставляя лицо, живот и лапы прохладному солнцу. Не знаю, может ли водяница загореть, но мне почему-то кажется, что загар мне сейчас не помешал бы. Поблизости – ни души: все-таки для купальщиков слишком холодно, а для водяницы в самый раз. Собственно говоря, очень теплая вода для водяницы даже вредна, потому что в ней трудно дышать, лапам жарко, а в добавок ко всему слишком долго сохраняются человеческие запахи. Самое лучшее время для водяницы – середина весны, когда снег уже растаял, а вода еще настолько холодна, что кажется, ее капельки хрустят на коже. Вам наверное интересно, как водяница чувствует себя зимой? Должна вас огорчить: никак. Когда вода становится слишком хрустящей, я медленно и незаметно засыпаю до весны. Говорят, самые чуткие водяницы могут проснуться, если кто-то купается в проруби. Но в этой реке еще ни разу не делали проруби. Или я не самая чуткая водяница. Или то, что говорят про водяниц, вообще сплошное вранье, но к этой теме мы еще как-нибудь вернемся. А сейчас я лежу в прохладной воде и смотрю прямо на солнце. И вдруг спиной, затылком, мурашками на плечах ощущаю появление человека на берегу. Я медленно поворачиваюсь и выглядываю из-за водорослей. Это тот самый мужчина, который убежал от меня несколько дней назад. Сейчас он меня не увидит, как бы ни старался. Зато я могу при солнечном свете рассмотреть его во всех подробностях. Он высок и при этом несколько тяжеловат. Короткие светлые волосы всклокочены, глаза в лучшие времена, наверное, могут быть голубыми и ясными, но сейчас они красные, воспаленные и почти больные. Лицо осунувшееся и небритое. Широкий подбородок разделен пополам ямочкой. Он не раздумывая садится прямо на мокрую после дождя траву, причем делает это плавно и грациозно, чего сложно было бы ожидать от мужчины такого роста. Сквозь плотные заросли камышей я могу сколько угодно изучать его кошачьи движения. Он же внимательно оглядывает воду, изучая ее сантиметр за сантиметром, настораживаясь при малейшем движении. А уж я позабочусь, чтобы эти необъяснимые движения возникали то там, то здесь, и непонятно чем вызванная рябь пробегала в воде у его ног. Я могла бы сказать, что чую его страх за версту, но лукавить не буду: на таком расстоянии от воды мне сложно угадать его чувства. Влажный воздух доносит до меня лишь еле слышные отголоски его напряжения, но я упиваюсь даже ими.

Мужчина достает сигарету и курит. Я заставляю лягушек истошно квакать. После нескольких жадных затяжек он бросает сигарету в траву. Я приказываю лягушкам молчать. Он

проводит рукой по волосам. Я посылаю на берег легкий ветерок, который леденит ему шею. Он подходит чуть ближе к воде, внимательно всматриваясь в течение. Я сжимаю кулаки и река перестает течь. Да, я могу и это, правда, днем и в новолунье – всего лишь на несколько секунд. Но ему этого, кажется, достаточно.

– Ладно, – вдруг говорит он, – и хриплый, решительный звук его голоса мрачно разносится над рекой. – Хватит. Я знаю, что ты где-то здесь. Выходи!

До чего же это опрометчиво с его стороны – считать, что от его воли здесь что-то зависит! Это еще глупее, чем тащить домой засохшую русалку, чтобы покрыть ее лаком и украсить любимый комод в тещином гарнитуре. Я разжимаю кулаки, и река продолжает свой путь. Я тихонько дую на деревья, которые отзываются легким шелестом трепетных листьев. Я ныряю вглубь и проплываю в нескольких метрах от берега, выгнув спину и разметав волосы, которые струятся за мной, как тонкие подвижные змейки. Я проплываю достаточно близко, чтобы он мог меня заметить, но все же недостаточно медленно, чтобы мог рассмотреть. Кажется, он ойкает и даже хватается за сердце. И волна ужаса – на этот раз совершенно ясного, первосортного ужаса, стремительно опускается в реку. Он боится и тем не менее, его мучительно тянет в воду. Охота началась, и теперь мне остается только ждать, когда желание войти в реку окрепнет настолько, что пересилит даже страх. А ждать я умею. За кувшинками я всплываю на поверхность и расслабляю каждую мышцу тела. Я довольна собой и наверняка мои глаза горят так, что их можно было бы издалека заметить в темноте. Жаль, что никто их не видит... Больше всего в охоте я люблю именно этот первый азарт, который накрывает тебя с головой, и ты понимаешь, что после такого начала ошибиться уже просто невозможно. И в то же время, замирая от удовольствия на поверхности воды, я не могу избавиться от еще одного ощущения, которое по силе ничуть не уступает первому: что когда несколько дней назад этот мужчина увидел меня в воде и заговорил со мной, то растревожил нечто такое, что не зависит уже ни от него, ни даже от меня.

Он сидит на берегу до тех пор, пока снова не начинается дождь. Крупные капли падают ему на лицо, и он поднимается на ноги.

– Ладно, – все так же хрипло говорит он, – если не хочешь меня видеть, не надо. Но все-таки не стоит целый день сидеть в холодной воде. Слышишь?

Разумеется, я не отвечаю.

РЫЖАЯ. ВЕСНА

Из больницы Рыжая возвращается без гипса и на такси. Ей грустно: проезжая знакомые улицы и перекрестки, она вспоминает, как в прошлый раз здесь же беззаботно хохотала над шутками доктора. И ведь шутки-то были довольно бестолковые, и без хохота вполне можно было обойтись... Она открывает дверь и неуверенно ковыляет по квартире. Гипса уже нет, но ходить пока еще сложно. Рыжая прислоняется лбом к прохладному окну, за которым медленно садится солнце, растапливая последние грязные сугробы. Она думает о том, что где-то за этими окнами наверняка есть мужчина, которому она нужна точно так же, как и он ей. А именно, прямо сейчас, целиком и до последнего вздоха, без ограничений и условностей. И тем более, за этими окнами наверняка есть и те, кому она нужна с известной долей условий, и это тоже было бы не так плохо, с тем условием, что прямо сейчас. Когда-то она читала книжку, в которой автор уверял, что найти этих людей проще простого. Нужно всего лишь представить сотни светящихся нитей, которые связывают твое сердце с сердцем того, кого ищешь. Тогда это предложение показалось Рыжей совершенно бредовым, да и сама книжка была, мягко говоря, странной, начиналась словами «Я не писатель. Но когда приходит время, я пишу книги». Анна тогда зашвырнула этот труд в угол, даже не запомнив имя автора. Сегодня, глядя в окно, она думает, что в принципе можно было бы и попробовать. Она закрывает глаза и пытается пред-

ставить нити, но все они уходят в никуда, связывая ее с космосом, а возможно – всего лишь с пыльными облаками над Москвой. Рыжая отходит от окна и решает ехать в клуб.

Она возвращается оттуда через три часа в компании мужчины, который говорит ей, что никогда в жизни не видел никого красивей, и утверждает, что за несколько минут сделает ее только что зажившую ногу гораздо чувствительней, чем прежде. Он не врет. Рыжая действительно хороша, как никогда. Она светится изнутри, разбрасывая вокруг золотые лучи. Скорее всего, ее спутник догадывается, что они не предназначены никому в отдельности, но легко пробегая пальцами по ступне, потом по икре к колену и выше к бедру, он дает Рыжей ощущения, которых она раньше не знала. Минуты складываются в часы, и когда она решается открыть глаза, то оказывается, что за окном давным давно утро, что мужчина с легкими пальцами спит рядом с ней, и что она может вскочить с кровати и прыгать на одной ножке, даже если для этого нет очевидных причин, но есть настроение.

Она скачет до холодильника и остается недовольна его содержимым. Рыжая одевается, завязывает волосы в огненный хвост и бегом бежит вниз по лестнице, потом по улице, через дорогу и в магазин. Выбирая баночки с йогуртом (она ведь не знает, что он любит!), она представляет солнечную нить, которая связывает ее сердце с сердцем спящего в ее кровати мужчины.

Когда Рыжая возвращается, дверь ее квартиры подозрительно приоткрыта. Она на цыпочках заходит внутрь и медленно оглядывает единственную комнату, кухню, ванную и маленькую кладовку. Мужчины с легкими пальцами в квартире нет. Точно так же, как нет в ней нового тонкого компьютера на маленькой подставке, кошелька, забытого на столике в кухне, и серебряного кольца с большой стекляшкой, отдаленно похожей на бриллиант. Рыжая ставит на пол пакет с продуктами и медленно сползает по стене вниз. Вот тогда-то она и замечает на столе записку: «Не сомневайся. Ты и правда очень красивая».

Она садится на пол и старается порвать золотую нить, которая связывает ее сердце с автором записки. Нить растягивается, становится тоньше, но рваться не желает. Наверное, на самом деле она резиновая. Будет ли компьютеру так же приятно ощущать его легкие пальцы, как и ей? К счастью, звенящий браслет с разноцветными камушками она так и не сняла с прошлого вечера. Вот без него Рыжей было бы действительно плохо.

Вечером она умывает холодной водой чумазое от слез лицо, звонит подруге и едет к ней в гости. В автобусе невысокий молодой человек со смуглым, хмурым лицом пристально смотрит ей в глаза. Рыжая отводит взгляд. Представляет себе, каково это: позволить золотой нити связать свое сердце с ним. Она выходит через две остановки. Он выходит за ней. Она ждет, что он улыбнется, что его хмурое лицо вдруг станет ясным и приветливым, и золотая нить растянется между ними безо всяких предисловий. Но он не делает ни малейшей попытки приблизиться, и Рыжая идет от остановки к дому подруги. Она даже не слышит, как он догоняет ее во дворе, только успевает почувствовать локоть на шее и руку, зажавшую рот. «Ну вот и все», – думает она и почему-то еще: «Не бойся самого страшного». Она спокойна и даже рада. Если ее сердце и бьется быстрее обычного, то от неожиданности и от того, что дышать, когда кто-то давит тебе на горло, не очень-то удобно.

– Давай сумку, – шепчет он прямо ей в ухо, и от горячего дыхания волосы у нее на шее становятся дыбом. Она моментально выпускает сумку из рук, он выпускает Рыжую. Пока он исследует содержимое сумки, Рыжая исследует напавшего на нее мужчину. У нее даже не возникает мысли бежать. И пока она смотрит, как он перебирает ее ключи, телефон, записную книжку и проездной в прозрачной корочке, внутри ее рыжего сердца вскипает волна.

– Знаете, меня сегодня уже один раз грабили, – говорит она и повинуюсь какому-то дурацкому импульсу, поправляет рукой волосы. В темноте маленькой искоркой сверкает браслет.

– Снимай, – командует он.

Рыжая нащупывает рукой пряжку, но волна уже поднимается из глубины и выносит на поверхность каждое утро, когда Рыжая улыбалась сама себе и говорила, что все будет хорошо; каждый день, когда она обещала себе, что именно сегодня случится что-то волшебное, и каждый день, когда ничего подобного не случилось. Волна поднимает в ней все ее золотые нити, которые становились резиновыми, обрывались, и ударяли саму Рыжую прямо в сердце. Вскипая, эта волна превращается в цунами сокрушительной силы. Рыжая очень вежливо говорит:

– А вы не могли бы меня убить?

– Чего?

– Ну, вам было бы сложно убить меня сейчас? Или может быть, изнасиловать? Точно не знаю, но мне почему-то кажется, от этого тоже иногда умирают. Может, вы можете меня заразить чем-нибудь смертельным? У вас нет СПИДа?

Говоря все это, Рыжая замечает, что выражение лица нападающего постепенно меняется, хотя и совсем не так, как она представляла себе в автобусе. Хмурое, мрачное лицо наливается страхом. И по мере того, как ужас, капля за каплей, вливается в кровь злоумышленника, он все больше становится похож на маленького напуганного зверька. Он шарахается назад, как будто его ударили. Рыжая уверенно идет к нему. Она понимает, что ситуация становится абсурдной и что внутри нее волна сокрушительной силы превращается в порыв неудержимого хохота.

– Хотя вряд ли, мне говорили, что СПИД найти довольно сложно. Может, хотя бы сифилис? Или нет, скорее гепатит...

Она продолжает двигаться на мужчину, который не знает, что и думать. Рыжая как будто наблюдает за ситуацией со стороны и не может остановиться. Нечто подобное она однажды испытала на работе, спросив у редкостно противного клиента, куда бы его послать. И даже памятный штраф в десять процентов зарплаты не смог испортить ей удовольствие. Сейчас ее порыв во много раз сильнее, и сама того не замечая, она начинает нападать.

– Ну так что? Вряд ли для вас это сложно... Может, это будет и не в первый раз...

– Да пошла ты! – кричит мужчина и пятится назад. И понимая, что она не собирается отступать, он изо всех сил швыряет в нее сумкой и бежит прочь.

Сумка задевает плечо, больно бьет в голову и с грохотом падает на асфальт. Ссадина на щеке, синяк на плече, разбитая пудреница и трясущиеся коленки, – над этими потерями Рыжая хохочет с подружкой до полного изнеможения. Ей немного не по себе и по телу то и дело пробегают волны озноба. Она роняет бокал из-под шампанского, пытаясь танцевать. Перед глазами все плывет. Но все это ерунда. Вскипевшая в ней волна смысла все старое, лишнее и ненужное. Засыпая далеко за полночь, она продолжает улыбаться восторженным воплям: «Ты молодчина, Анька! Так его отбрить!» И даже мысль о том, что она не собиралась его брить, а хотела умереть совершенно серьезно, не может опечалить ее рыжую голову.

РЫЖАЯ+ДОКТОР. ВЕСНА

Утром Рыжая с трудом приподнимается в постели и разлепляет веки. Голова раскалывается и окружающий мир по-прежнему плывет перед глазами. Она пытается встать, но комната стремительно уносится в никуда, увлекая за собой Анну, смеющуюся подругу и угол одеяла, за который Рыжая хватается в последний момент.

Подруга вызывает «скорую», и то, что вечером казалось эйфорией от шампанского и послевкусием чудесной волны, утром оказывается обычным сотрясением мозга. Через час Рыжая смущенно смотрит в глаза пожилого врача, еще вчера снимавшего ей гипс. Старик удивленно качает головой, глядя в результаты рентгена, и говорит, что все понимает: целый месяц на костылях и желание наконец-то радоваться жизни, но что все-таки надо быть осторожней. Он хмурит густые белые брови, но это не может никого обмануть: лохматая рыжая девчонка кажется ему очень симпатичной.

– Лупить вас всех надо, – ворчит врач.

В ответ Рыжая только смеется. Мужчина, который не захотел ее вчера вечером ни убить, ни заразить СПИДом, вселил в ее рыжую голову совершенно удивительную мысль о том, что сдаваться в сущности рано. И что в сущности несколько золотых нитей, которые стали резиновыми, ничем не могут ей помешать.

– До свиданья, – говорит врач. – И постарайся уж больше меня не беспокоить. Домой-то сама доберешься? Или позвонить кому?

– Доберусь, – улыбается Рыжая. Она доходит до дверей и с удивлением понимает, что внутри нее опять вскипает волная. Не такая сильная, как вчера, и уж конечно, не такая разрушительная. И повинуясь ей, она оборачивается в дверях:

– Позвонить вашему коллеге, Илье.

Ему даже не приходится звонить. Скользя рукой по стене, Рыжая неуверенно проходит по корридору и стучится в дверь ординаторской, где самая симпатичная медсестра отделения выбрасывает шприц, сделав Илье очередной укол антибиотика. Рыжая открывает дверь и смотрит на доктора. Доктор смотрит на нее. И снова ее глаза притягивают и искрятся, обещая бесконечно удивлять.

– Вы не женщина, а чума, – говорит доктор, и при этом его голубые глаза становятся ярко-синими. – У меня по вашей милости воспаление легких.

– Это фигня, – улыбается Рыжая, и ее волосы вспыхивают на солнце огнем, – меня вчера два раза ограбили и один раз не захотели убить, но я отделалась сотрясением мозга. Правда, не знаю, по вашей это милости или нет.

И она опирается спиной о стену, потому что мир опять норовит унести от нее в никуда. Но теперь это совсем не страшно, потому что золотая нить протягивается от нее к доктору, и не дает упасть.

Я. ЛЕТО

В субботу в воздухе висит жара, и у реки полным-полно купальщиков. Они с разбегу бросаются в воду, вопят на берегу, кидают друг в друга мячами и едят сосиски, запивая их пивом. Они превращают воду в кипящий ад и загоняют меня в самую глубь камышиных зарослей. Там я опускаюсь на глубину и затихаю, представляя, что у меня нет ни глаз, ни ушей, ни ворсинок на лапах. Вы удивлены? Ломаете голову над тем, при чем здесь ворсинки? Они нужны для того, чтобы чувствовать изменения воды. Чем, по-вашему, я улавливаю малейшие колебания речного настроения? У меня нет ни души, ни памяти, а значит, нет и собственных чувств. И это очень хорошо, скажу я вам. Потому что наслушавшись бесконечных историй, которые вы непременно тащите с собой в воду, могу сказать совершенно точно: ваши чувства и ваша память – вот что сильнее всего портит вам жизнь. Больные суставы, повышенное давление, понос и разводы – это просто жалкие предлоги для того, чтобы не думать о главном. А именно: если бы вам удалось совладать с памятью и чувствами, ни понос, ни разводы не могли бы причинить вам ни малейшего неудобства.

Я думаю об этом, спрятавшись в камышах и изо всех сил стараясь не слушать ваших историй. Не торопитесь меня обвинять, это не потому что я настроена против вас. Я вообще не настроена. Дело в том, что все ваши истории как две капли воды похожи друг на друга. Сегодня в реке плавают восемь повышенных давлений, двенадцать пониженных, шесть потенциальных разводов, два свершившихся, три свадьбы, рак груди и один понос. Не считая тех, что пока еще жарятся на берегу. Все это случается с вами так часто, что вода не успевает унести ваши истории прочь. А значит, их помню даже я.

Когда день клонится к вечеру, берег пустеет. На небе собираются тучи и похоже, что духота и тяжесть кончатся грозой. Это значит, что сегодня слезы рыжей женщины наконец-то будут смыты из воды в вечность, ведь ночного поцелуя я так и не дождалась. Когда вокруг становится совсем тихо, я плавно всплываю в камышах. И что же я вижу на берегу? Мужчина, напуганный мной накануне, сидит на траве с книжкой в руках. Рядом с ним – большая бутылка воды и груши в прозрачном пакете. Он не обращает ни малейшего внимания на тучи, которые собираются над рекой, и внимательно смотрит в книгу. Но время от времени поднимает голову и не менее внимательно всматривается в воду. Последние купальщики складывают свои полотенца и уходят восвояси. Оставшись совсем один, он откладывает книгу в сторону, и очень вкрадчиво говорит.

– Ну вот, я вернулся. И сегодня я пришел надолго.

Если этим заявлением он думал меня удивить, то напрасно. Не так-то просто противиться зову водяницы. А сейчас его зову даже не я, а нечто внутри меня, властное и безжалостное, разбуженное им самим несколько дней назад, когда он так опрометчиво увидел меня в воде.

Тучи сгущаются все быстрее, собираясь наверху в огромные черные прорвы; налетает ветер и пригибает к земле деревья. Где-то в лесу слышится треск сорванных веток и упавших стволов. Вдалеке громко воет собака и сразу же – первый и оглушительный раскат грома. В такую погоду люди закрываются в домах, проверяя, плотно ли заперты окна, и любая живность торопится сбежать от стихии. Даже я, если честно, не прочь укрыться на глубине. Но мужчина на берегу не двигается с места и не проявляет никаких признаков беспокойства. Он все так же бесстрастно смотрит то в книгу, то на воду. У него за спиной вновь взрывается гром и черное небо прорезывает молния. Он даже не оборачивается. Поднимает глаза от книги и говорит:

– По-моему, уже хватит прятаться. Вылезай. Давай поговорим!

Я не двигаюсь.

– Что за глупость, – продолжает он, – сидеть в реке в такую грозу! Если тебе очень хочется простудиться или даже поймать молнию, я составлю тебе компанию. Но по-моему, лучше поговорить. Не бойся... – и дальше его вкрадчивый голос произносит фразу, от которой что-то взрывается в самой середине реки. – Не бойся самого страшного!

Одним движением я вынырываю на поверхность и откидываю мокрые волосы назад. В ту же секунду все вокруг затихает, и в полной тишине я говорю:

– Откуда ты знаешь?

– Откуда я знаю, что ты здесь? Да уж, непросто было догадаться...

– Нет, про самое страшное.

– Про самое страшное я знал всегда, – улыбается он. – Скажи лучше, зачем ты тут торчишь, женщина?

И сама не зная почему, я говорю ему все как есть. Может быть, древняя сила воды собирается у моих ног и выталкивает эти слова на поверхность. Может быть, их выманивает надвигающаяся гроза. Может быть – мое собственное удивление. Но так или иначе, я поднимаю на него глаза и признаюсь:

– Я не женщина. И я сохраняю ужас воды.

– Чтооо?

– Может, ты думаешь, что это просто прозрачная быстрая речка, но на самом деле вода – мрачная стихия. Она питается ужасом, а я его накапливаю и сохраняю. Я водяница.

– Понятно, – задумчиво говорит он как будто сам себе, – я что-то в этом роде и предполагал. Значит, русалка?

– Я водяница.

– В чем разница?

– Разница огромная! Русалки хохочут и щекочут мужчин, а я вас пугаю и отдаю этот ужас воде. Русалки мудры и помнят очень многое, а у меня нет ни души, ни памяти, и вся моя мудрость в воде. Поэтому мне нельзя из нее выходить.

– А русалкам, значит, можно? – тихо спрашивает он после недолгого размышления.

– Можно.

– И много вас тут, русалок?

– Я водяница. А русалок тут нет ни одной. Только ты и я.

Что бы ни вытаскивало из меня слова, я все-таки не говорю ему главного: что если он войдет ко мне в воду, я напугаю его совсем, до конца, и что именно этот ужас больше всего нужен воде.

Взглядом он впивается мне в глаза так, как будто хочет вытянуть душу. К счастью, души у меня нет, а значит, и терять нечего. Я подмигиваю ему и слегка покусываю губы. Он разглядывает мое лицо, волосы и бледные, тонкие плечи. Не знаю, видны ли ему прикрытые водой соски, которые торчат в разные стороны, как кнопочки. Но даже я чувствую, как воздух между нами накаляется и становится напряженным. Как и другие, он смотрит на меня с восторгом и ужасом. Я закрываю глаза и говорю:

– Мне нельзя выходить из воды. Но ты можешь войти ко мне.

– Нет.

Он вздрагивает, как будто приходя в себя от чар. Быстро оглядывается по сторонам и замечает, что за несколько минут свинцовые тучи ушли далеко вперед, а деревья распрямились. Гроза прокатилась по небу темным предупреждением и ушла в никуда.

– Мне пора, – почти извиняется он. – Но я приду еще.

Вот в этом я ни секунды не сомневаюсь.

– Как тебя зовут? – небрежно спрашивает он, но почему-то мне кажется, что от моего ответа он ждет очень многого. Зря, потому что имени у меня нет.

– Никак. Я водяница.

– Понятно, – грустно улыбается он.

И уже сделав несколько шагов в сторону дороги, оборачивается:

– У тебя есть хвост?

– Нету. Хвосты у русалок, а у меня – обычные лапы с перепонками.

– Ну конечно, – его глаза искрятся так, как будто он собирается меня чем-то удивить, – значит, лапы с перепонками. Ладно. А меня зовут Илья.

Он уходит, и я медленно опускаюсь на дно. Да, лапы с перепонками, чтобы было удобнее плавать. Про шерсть на лапах я, разумеется, ни слова не говорю. Это сюрприз. Когда придет время, он обнаружит все сам, но боюсь, что удивляться тогда будет уже поздно.

Странно, но уходя, он совсем не кажется удивленным или испуганным. Как будто действительно и сам догадывался, что несколько дней назад разговаривал в сумерках не с женщиной, а с водяницей.

РЫЖАЯ + ДОКТОР. ЦЕЛЫЙ ГОД

Дзыыыыыынь.

Дверь открывается. В первый раз после болезни Рыжая входит в свой офис. В маленькой комнатке все по-прежнему – каталоги на полках, шумный кондиционер на стене и телефон, который уже трезвонит. Рыжая игнорирует телефон и изумленно оглядывается по сторонам. Как все здесь могло отстаться в точности таким же, как раньше, если вся ее жизнь перевернулась с ног на голову? Когда она в последний раз была здесь, за окном лежал снег, а вчера на город прямо-таки свалилось лето, хотя по календарю вроде бы рановато, еще только апрель. Она ставит в угол раскрытый зонтик, а рядом с ним – насквозь мокрые туфли, и босиком под-

ходит к столу. Да, ее мир первернулся. И только что под проливным дождем Рыжая, держа в руках мокрые скользкие туфли, босиком бежала от автобусной остановки к дверям офиса. Босиком прошла мимо ошалевшего охранника и расхохоталась с лицом шефу, который осведомился о ее здоровье. Ее здоровье никогда не чувствовало себя лучше. У нее еще побаливает голова, а под глазами – искусно замазанные синяки, да и нога, несмотря на чудодейственный массаж и все его последствия, сгибается не так хорошо, как прежде. Но где-то на другом конце города лежит в кровати взлохмаченный доктор с воспалением легких и высоченной температурой, и слышит каждый ее шаг. Закрыв глаза, он пытается представить себе ее передвижения, и золотая нить, обхватившая его сердце, тянет доктора такой трепетной болью, что он даже не замечает самую симпатичную медсестру отделения, а просто поворачивается на бок и снимает штаны для укола.

Дзызызынь, дверь открывается.

– Куда вы хотели бы поехать?

Рыжая улыбается так, как будто ей нет до вас ни малейшего дела. Да, вы не ошиблись. Ее мысли витают за тридевять земель отсюда, и все, что вы скажете или сделаете, она забудет еще раньше, чем за вами закроется дверь. Так что можете не стараться. Она смотрит вам в глаза и вроде бы слушает, что вы говорите, но думает только о том, что где-то на другом конце города доктор принимает душ, переодевается в свои любимые джинсы и в первый раз после болезни выходит на улицу. Она внимательно слушает его шаги к цветочному киоску, где он выбирает для нее четыре голубых лилии и пять снежно-белых тюльпанов. И что бы вы ни говорили Рыжей о цели своей поездки и требованиях к отелю, она чувствует только руки доктора, которые бережно несут ей букет. Поэтому не стоит удивляться, если вместо Барселоны вы почему-то окажетесь в Праге, а вместо скромного одноместного номера вам зарезервированы апартаменты для новобрачных. По крайней мере, вы почти наверняка останетесь живы и сможете предъявить претензии туроператору после возвращения.

Претензий действительно становится больше. Рыжая с улыбкой сидит в своем офисе, мурлычет идиотские слова в телефон, забывает о том, что должна была сделать и хохочет над клиентами, которые пытаются ей хамить. Чем, надо признаться, изрядно выводит из себя и клиентов, и начальство.

Самолеты, на которые Рыжая сажает людей, перестают падать. Автобусы не переворачиваются, повара проходят тщательную проверку при поступлении на работу и не собираются никого травить. И даже поезда не стоят в пустыне по техническим причинам, просто потому что технических причин для этого больше нет. Но Рыжая хохочет не над этим. Ей, как и раньше, нет дела до того, что происходит с вами, когда дверь закрывается. Три звезды вместо четырех. Чартер на Кипр вместо регулярного рейса на Канары. Откуда, собственно говоря, вы свалились на ее рыжую голову?

Несколько месяцев Рыжая проводит в полусне, наблюдая за плавными движениями доктора, принимая мягкий звук его голоса и тихо замирая от восторга по ночам, ощущая рядом его сонное дыхание. Если вы ее спросите, что она делала в мае, она ответит, что в первый раз гуляла с доктором по пустому городу. Если спросить, какая погода была в июне, Рыжая скажет, что она и доктор купались в реке и потом мокрые очень долго лежали, обнявшись, на берегу, это значит, что было тепло. В июле они случайно прижались друг к другу голыми пупками и одновременно поняли, что это самый удивительный на свете поцелуй. Август – это месяц, когда они вдвоем ходили за грибами, смеясь, чистили их на дачной кухне, а потом приготовили вместо супа удивительно противную на вкус бурду. В сентябре они целовались под зонтом в жуткий холод и оба болели, синхронно шмыгая носами. Что они делали в октябре, она не помнит, и скорее всего никакого октября не было вовсе.

Иногда Рыжая просыпается по ночам и тянется к доктору, проверяя здесь ли он. Он прижимает ее к себе и шепчет:

– Ничего не бойся.

– Мне страшно, что все это кончится, – всхлипывает она.

– А особенно не бойся самого страшного...

И после этого она засыпает в руках доктора, как испуганный ребенок, уткнувшись носом в его плечо.

Несколько месяцев Рыжая бродит, как сомнамбула, вяло реагируя на то, что происходит вокруг, если только происходящее не связано с доктором.

Она выныривает из забытья неожиданно, от страшного грохота, который раздается совсем рядом, едва ли не раскалывая ее голову надвое. Она внимательно оглядывается вокруг и с удивлением обнаруживает, что сидит в своем маленьком офисе, совершенно таком же, как и прежде (а именно, полки с каталогами, шумный кондиционер на стене и телефон, который как раз трезвонит). Напротив себя Рыжая видит очень странного мужчину в классическом костюме и галстуке, съехавшем на бок. Лицо мужчины искажено гримасой крайнего раздражения, а в руках он держит стул, которым остервенело колотит об пол. Собственно, это и является источником грохота, который раскалывает ее голову надвое.

– Я в сотый раз вас спрашиваю, когда вы, черт бы вас побрал, подтвердите мне дату вылета?! – бушует мужчина. – И прекратите хлопать своими прекрасными глазами, иначе я за себя не отвечаю!

Рыжая спокойно отмечает про себя, что за свои поступки мужчина не отвечает уже сейчас. Вот только чего он хочет и как сюда попал, она не знает, хоть убейте. И видит его в первый раз, хоть режьте ее прямо сейчас, пусть даже самым тупым ножом, который найдется у нее на кухне. Хотя очевидно, что причина его ярости – именно она, Анна. Рыжая в растерянности. Но иногда, как раз в таких странных ситуациях, годы механических действий и бездумных профессиональных улыбок оказываются очень полезны. Рыжая берет себя в руки и улыбается. Так, как будто всю жизнь ждала именно этого перекошенного мужчину со стулом в руках. Вы не ошиблись.

– Извините, – просто говорит она, слыша, что за дверью уже собираются совершенно ненужные сейчас любопытные коллеги. – Ума не приложу, как оправдаться за свою растерянность. Сейчас я заново запишу ваши паспортные данные, и завтра все будет подтверждено. В противном случае вы полетите за наш счет.

Когда с трудом выпустив стул из рук, перекошенный мужчина, выходит за дверь, Рыжая пытается понять, что же с ней случилось. Она выглядывает в окно и видит на улице снег, а компьютер показывает ей совершенно немыслимую дату – 24 января. Послушайте, совсем недавно листья на деревьях становились желтыми и красными... О чем она думала все это время?

Рыжая рассматривает себя в зеркале, отмечая огромные, сияющие глаза, как будто позаимствованные с чужого и очень счастливого лица. Волосы отросли значительно ниже плеч и не собраны в хвост, как обычно, а разлетелись по спине и забавными кудряшками торчат в разные стороны. Об отражении, которое смотрит на Рыжую из поцарапанного зеркала в офисном туалете, она не осмеливалась даже мечтать. Где она провела все это время? И где взяла это длинное черное платье, которое делает ее похожей на ферзя? Рыжая улыбается своему отражению и идет к телефону. Единственное, что связывает то время, которое она помнит, с тем временем, в котором оказалась сейчас, это доктор.

Его голос в трубке согревает и баюкает.

– Знаешь, я только что заметила, что на улице зима, – говорит Рыжая. – Я раньше этого не видела, честно. Какой у меня диагноз, доктор? Шизофрения?

– Шизанька моя, – и Рыжая с другого конца города чувствует, как он улыбается. – До вечера.

Она кладет трубку.

Дзыыыыыыыыыыынь.

Дверь открывается. Рыжая поднимает глаза на вошедшего и улыбается ему так, как будто всю жизнь ждала именно его. Вот этого идиота с рыжеватыми блеклыми волосами и маленькими глазками, острыми как ножи. Она спрашивает, куда бы он хотел поехать, но при этом золотая нить, окутавшая ее сердце, натягивается до предела, как будто на другом конце ее изо всех сил стараются порвать.

Следующей ночью Рыжая тянется к доктору и понимает, что его рядом нет. То есть физически он на месте: лежит на спине, раскинув руки в стороны, и очень ровно дышит, слегка приоткрыв рот. И если дотронуться до него пальцами, можно убедиться, что его тело, большое и сильное, очень даже здесь, со всеми потрохами, и может быть, даже с эрекцией. Но Рыжая не может отделаться от мысли, что его сердце где-то далеко. И как убедиться в этом, не прибегая к помощи острых предметов, она не знает. Она встает с кровати и босиком топает на кухню. Мелкими глотками пьет холодную воду, изучая ярко-красные ногти на ногах. Может быть, вода подскажет ей что-то мудрое? В той же книжке, где Рыжая прочитала про солнечные нити, было что-то и про воду. Кажется, что молекула воды помнит мир со дня его основания. Тогда-то Рыжая смеялась над этим еще больше, чем над теорией золотых сплетений, но сегодня а думает: а вдруг? Она замирает над стаканом, ожидая, не подскажет ли ей что-нибудь вода. Вода не подсказывает. С холодным комком в животе Рыжая возвращается в постель и утыкается носом в плечо отсутствующего доктора. Он ничего не замечает.

Февраль был месяцем, когда он не ответил на ее звонок и в первый раз рассердился. Она считала гудки целую минуту, пока не включился металлический голос, подтвердивший то, что она уже и сама понимала: абонент для нее недоступен. Вечером доктор был зол и неразговорчив, а в ответ на ее попытки быть нежной, рявкнул «Хватит».

В марте он пропадает на несколько дней, а появившись, выглядит так виновато, что Рыжая впервые рыдает в его руках не от радости, а от отчаяния. В апреле доктор пропадает совсем – без разговоров, ссор или объяснений. Однажды его просто не оказывается дома, и сама не зная почему, Рыжая понимает, что ждать бесполезно. Ее подруга предполагает, что доктор где-то попал в аварию. Но Рыжая даже в своем летаргическом горе сознает, что никто не попадает в аварию, собрав все свои вещи и сменив номер мобильного телефона. В довершение всего, золотая нить, согревавшая ее сердце целый год, лопается. Как водится, она оказывается резиновой, и оборвавшись, бьет Рыжую во много раз сильнее, чем все предыдущие бракованные нити.

РЫЖАЯ МИНУС ДОКТОР. ВЕСНА.

Поначалу Рыжей кажется, что она всего лишь проснулась от приятного чувственного сна и что, по большому счету, ничего не изменилось. Она может все так же мечтать о докторе, с той только разницей, что вернувшись вечером домой, она не увидит его, а просто подожит мечтать. Но после майских праздников она просыпается утром, улыбается сама себе, и еще не успев сказать, что именно сегодня с ней случится что-то удивительное, чувствует, как в ней вскипает волна разрушительной силы. Она выносит на поверхность потоки слез величиной с большие жемчужины и каждую порванную нить, когда-либо ударившую Рыжую в сердце.

Рыжая с трудом поднимается с кровати, принимает три таблетки успокоительного и включает телевизор. В новостях показывают арестованного повара-араба, два дня назад приправившего мышьяком континентальный завтрак в пятизвездочном отеле Шарм Эль Шейха. Вот тогда-то Рыжая понимает, что в начале недели отправила в этот самый отель шестерых,

желавших уехать «хоть куда-нибудь, прямо сейчас». Она садится на постель и понимает, что успокоительное просится обратно. Что, в общем-то логично: разве время сейчас успокаиваться?

На ватных ногах она идет на работу, с ужасом ожидая того, что сегодня случится. Скандал, рыдающие родственники погибших, шесть претензий к туроператору. Она тихонько проскальзывает мимо охранника, отключает звонок телефона и с большим трудом противостоит желанию запереться изнутри. Целый день она замирает от ужаса, но ничего не происходит. Никто не рыдает, не хлопает дверями и не требует удовлетворения морального ущерба. На следующий день все такая же тишина. И на следующий тоже. После майских праздников всегда затишье, и за два дня ни один посетитель не тревожит колокольчик над ее дверью. Скучая, она листает каталоги, придумывая сказки на будущее, и просматривает невесть откуда взявшуюся «Энциклопедию вымышленных существ» с цветными картинками. Кажется, даже никто из коллег не заметил, что в злополучном отеле жили шестеро желающих уехать «хоть куда-нибудь, прямо сейчас». Рыжая решает забыть обо всем этом, как о еще одном очень странном сне.

На следующее утро Рыжая просыпается с мокрыми волосами. Очень странно, учитывая тот факт, что голову она всегда моет по утрам. Она подходит к зеркалу и перебирает рыжие кудряшки: совершенно мокрые и пахнут не шампунем, а какой-то дрянью. В добавок к этому в горле саднит и в носу щипет. Рыжая заболевает, и вот это как раз совсем не удивительно: она всегда болеет, когда ей грустно. Ведь умной женщине стыдно плакать об ушедшем мужчине. А плакать потому, что у тебя температура, болит горло и от соленого полоскания тошнит, – скорее мило и очень даже трогательно. Странно, что Рыжая заболевает только сейчас. Она идет в кухню и заливает горячей водой лекарство, потом моет волосы и сушит их феном. Собираясь на работу, она достает из обувной тумбочки туфли и замечает рядом свои кроссовки, облепленные грязью. Очень странно. Где в практически летней Москве можно найти такую грязь? Да и когда она в последний раз их надевала? Рыжая не помнит. Она закрывает тумбочку и идет на работу.

Дзыыыыыыыынь.

Дверь открывается.

Перед Рыжей садится на стул подтянутый мужчина лет пятидесяти, и его лицо сразу кажется ей смутно знакомым. Она уже отправляла его отдыхать? Встречала его на улице? Видела по телевизору?

– Куда вы хотели бы поехать?

– В Индию.

Вот так, коротко и ясно. Если бы все клиенты Рыжей так же хорошо знали, чего они хотят. В считанные минуты она бронирует ему билет на самолет и номер в отеле, берет деньги и просит позвонить через неделю позвонить, когда документы будут готовы. Он поднимается, чтобы уйти, и Рыжая не выдерживает.

– Извините меня. Чувствую себя очень глупо, но где я могла вас видеть?

– На обложке, – говорит мужчина, – и его лицо озаряется самой удивительной из всех улыбок, которые Рыжей доводилось видеть, – на обложке моей книги.

– Вы писатель? – Анна старательно хмурит лоб, пытаясь вспомнить, что же такого она могла прочитать. Его имя и фамилия ничего ей не говорят.

– Не совсем, – тихо произносит мужчина. – Но я пишу книги.

И тут в сознании Рыжей вспыхивает первая строчка его произведения. Ах да, конечно. «Я не писатель, – говорилось там. – Но когда приходит время, я пишу книги».

– Не вы ли, – вкрадчиво спрашивает Рыжая, – придумали про солнечные нити, которые связывают людей, и про молекулы воды?

– Придумал не я, но написал я! – очевидно, что его распирает от гордости. – Вам это помогло?

В эту же секунду в Рыжей вскипает волна, мгновенно превращаясь в цунами разрушительной силы.

– Помогло?! – орет Рыжая, совершенно забыв о начальнике за тонкой перегородкой. – Ах ты старый пень! Да я с ног до головы обмотана обрывками твоих дурацких солнечных нитей! А твоя вода не способна ничему научить даже идиота! Таких как ты надо заставлять, чтобы пробовали свои бредни на себе!

– Вода способна на многое, – загадочно сообщает не писатель, и Рыжей хочется вцепиться ему в горло, но она ограничивается тем, что швыряет в него каталогом.

– Чушь собачья! Ни на что она не способна!

Такое впечатление, что не писатель откровенно любит огненной Рыжей женщиной, которая бушует у него на глазах.

– А вы пробовали просить воду о том, что вам нужно? – спрашивает он.

– А похоже, что я ненормальная и буду разговаривать с водой?

– А по-моему, вы пробовали. И что же, разве в последнее время с вами не происходит ничего необычного?

Рыжая открывает рот, но не может произнести ни слова.

– Нет? – переспрашивает не писатель. – Тогда всего доброго.

Ярость Рыжей остывает так же мгновенно, как вскипела. Воспользовавшись паузой, не писатель легко поднимается со стула и уходит, оставляя Анну наедине с ее размышлениями о том, стоит ли считать необычными мокрые волосы по утрам, грязные кроссовки в шкафу, запах тины в квартире и подозрительный насморк, который появляется у нее каждый раз, когда она просыпается с мокрыми волосами.

ДОКТОР МИНУС РЫЖАЯ. ЛЕТО

В этот раз я его поджидаю в тине у самого берега, и как только он подходит к воде, собираясь меня позвать, я выскакиваю прямо у него перед носом. Эффект ошеломительный. Сначала мне даже кажется, что микроинсульт уже получен и моя задача выполнена. Но нет, он вдыхает поглубже, потом выдыхает, медленно поглаживая рукой сердце, и довольно быстро приходит в себя. Его испуг медленно оседает в воду, но это удовольствие я откладываю на потом. Когда мужчина уберется восвояси, у меня еще будет возможность полежать на воде, покрываясь маленькими юркими мурашками. Сейчас не время. Может, мне удастся выманить у него еще немного страха, и насладиться всем сразу. Не будем торопить события. Посмотрим, как пойдет.

– Тебе не скучно здесь одной? – спрашивает он, немного отдышавшись.

– Нет, – говорю я. – У каждого свои развлечения. Но ты ведь тоже всегда приходишь один. Почему?

– Потому что я один, – такое впечатление, что этот вопрос ставит его в неловкое положение. Он опускает глаза и трет пальцем нос. – В смысле, не всегда один, а сейчас... один...

– У тебя нет женщины?

– Нет, – он медлит, все больше смущаясь, – я от нее ушел... к другой женщине...

– Так значит, женщина все-таки есть?

– Нет, – говорит он и сам смеется, – от той я тоже ушел. И теперь я один... И, честно говоря, чувствую себя отвратительно.

– Н-да? – удивляюсь я. Жаловаться на тяжелую жизнь водянице, которая собирается затащить тебя в воду, – это что-то новенькое, но я в общем-то не против. Так вот, я удивляюсь:

– Н-да? Так вернись к ней, то есть к одной из них. К первой или второй...

– Ко второй не могу. Я не люблю ее совсем.

– А зачем уходил к ней от первой?

– Затем, что это было как удар по лбу. Как ведро воды, которое тебе вылили на голову. Ты не можешь не промокнуть, не можешь сопротивляться. А через некоторое время вода высыхает и ничего не остается. Только одежда становится жесткой и колет кожу. Или как рана от удара заживает, и ты не понимаешь: что это было?

Он проводит рукой по голове, демонстрируя, что раны больше нет, и волосы сразу становятся смешными и лохматыми. Хотя самому ему, видимо, не до смеха. Я думаю, если постараться как следует, он может быть, даже заплачет. Но я не люблю, когда плачут, я люблю, когда боятся. И я говорю ему:

– Тогда вернись к первой.

Он вздыхает так, как будто хочет сбросить с сердца очень тяжелый груз.

– И к первой не могу. Она меня забыла.

– Нашла себе другого?

– Нет. Совсем забыла. Не помнит меня, как будто ничего и не было. Совершенно искренне не помнит, – и он прижимает ладонь к сердцу, словно пытаюсь меня убедить в искренности первой любовницы.

– Это ведь даже лучше! Познакомься с ней заново, – я очень горжусь своими советами, особенно учитывая что, никогда раньше не сталкивалась ни с чем подобным.

– Я уже познакомился.

– И что?

– Она меня пугает...

– Чтоооо? – мое благодушие сдувает, как ветром. Значит, его пугает еще кто-то, кроме меня? Это не входит в мои планы. Кто его пугает и где? Если на суше, в этом нет ничего страшного, отголоски своего страха он все равно принесет мне. Но вот если рядом есть вода... Не попросить ли его как следует закрывать краны в ванной и на кухне, когда женщина снова будет его пугать? Наверное, сейчас не стоит, но как идея на будущее может пригодиться.

– Она ведет себя очень странно, и я никак не могу понять...

– Ну, здесь я тебе не советчик. Я не разговариваю с женщинами и их не понимаю.

– Может быть, иногда ты их слушаешь? Как меня сейчас?

Да, иногда я слушаю женщин, правда совсем не так, как его. Вода проглатывает их ощущения и отдает мне. И потому, я скорее не слушаю, а чувствую. Я не говорю ему, что так как его, я еще никого никогда не слушала. Я говорю:

– Расскажи мне о ней.

– Она рыжая, смешная, влюбленная женщина. Когда ей хорошо, она хохочет, и ее глаза горят, как маленькие солнышки. Правда, иногда, когда ей хорошо, она плачет... Она вообще очень много плачет, по каждому поводу и совсем без повода...

Кажется, он довольно долго готов рассказывать о том, над чем плачет его первая женщина, но тут у меня в голове происходит щелчок. Вот так: щелк! Память воды собирается в ручеек и щелкает меня по голове. Ну конечно! Только отсутствие собственной памяти может оправдать то, что я до сих пор не догадалась. Рыжая женщина, которая очень много плачет!

Вот уж действительно, сюрприз так сюрприз. А еще говорят, что водяница смотрит прямо в сердце, и ее, видите ли, ничем нельзя удивить. Хотя если как следует подумать: много ли среди вас есть сердец, в которые хочется заглядывать?

РЫЖАЯ МИНУС ДОКТОР. ЛЕТО

Дзыыыыыыыыыыынь!

Ночью Рыжая подскакивает от телефонного звонка, который кажется оглушительным. Она протирает глаза и сонно шарит по тумбочке, пытаясь нащупать трубку и сваливая все вокруг.

– Алло.

– Здравствуйте, – очень бодро говорит трубка, – я хотел узнать, все ли у вас в порядке.

– У меня?

– Конечно, у вас, я же вам звоню.

– А зачем? – сонно спрашивает Рыжая.

– Я же говорю: чтобы узнать, все ли в порядке. Ну что вы в самом деле?

– А вы кто? – машинально спрашивает Анна и чувствует, что ее окутывают сразу два очень странных ощущения. Во-первых, ей холодно и как-то неуютно. Во-вторых, она явно проваливается обратно в сон.

– Я? – удивляется голос. – Ах, извините, я не представился. Мы встречались с вами на днях. Я не писатель, но иногда пишу книги. Помните, я к вам приходил?

Рыжая ничего не отвечает, но сон с нее снимает как рукой. Сонные глаза раскрываются, а по телу пробегает волна озноба. И в тот же момент Рыжая понимает причину холода и дискомфорта: она совершенно мокрая, с ног до головы. Мокрые волосы, мокрая футболка, мокрые джинсы. Она сидит в промокшей постели, и холодная одежда окутывает Анну отвратительным коконом. Не говоря уже о том, что она никогда не ложится спать в футболке и джинсах. Рыжая хлопает глазами в темноте, мучительно стараясь сообразить, что же с ней приключилось.

– Алло! – взволнованно кричит трубка. – Вы меня хорошо слышите? Так как у вас там дела?

– Нормально, – отвечает Рыжая, хотя на самом деле она никогда не чувствовала себя более ненормально, чем сейчас.

– Очень хорошо! – радуется не писатель, – а то знаете, у меня какие-то ощущения на ваш счет непонятные. И вот еще что хочу сказать: я с вами в Индию не полечу. В смысле, куплю билет в другом месте.

– Это еще почему?

– Это потому что мне еще пожить хочется, знаете ли. Вы кстати ничего не хотите у меня спросить?

– Не очень, – говорит Рыжая, но это неправда. Вопросов у нее столько, что она не знает, с чего начать. Но что-то останавливает ее от того, чтобы задавать все эти вопросы не писателю, ночью, лежа в своей, но совершенно мокрой постели.

– Ну ладно, – легко соглашается он. – Если передумаете, звоните.

– А где я возьму ваш телефон?

– Это проще простого, – смеется не писатель. – Спросите у кого-нибудь.

– У кого?

– А вот это, милочка, вопрос очень важный. Самое главное – знать, у кого попросить то, что вам нужно. В вашем случае это может быть секретарша, которая записала мой телефон, чтобы позвонить и пригласить меня за билетом и паспортом. Видите, как все просто? Ну, не смущайтесь, что сами не догадались, я же свалился вам на голову среди ночи... Всего вам хорошего.

– До свиданья.

И когда Рыжая уже собирается положить трубку, он добавляет:

– А с водой все-таки будьте поосторожней.

Рыжая включает свет и топает в ванную. Как получилось, что она во сне забралась под душ? Она что, ходит во сне? «Ничего страшного! Со всеми бывает», – говорит себе Рыжая, хотя если начистоту, то она ни разу не слышала, чтобы с кем-то из нее знакомых случалось нечто подобное. Сейчас она снимет мокрую одежду, заберется под горячий душ и наденет

теплую пижаму. Потом она перестелет постель, выпьет чаю с медом и будет до утра спать, как младенец, уткнувшись носом... Вот черт, она до сих пор иногда забывает, что утыкаться носом больше совершенно не в кого. И вот черт, из крана не льется вода – ни холодная, ни горячая. Спрашивается: где же она тогда могла промокнуть до нитки? Рыжая переодевается в пижаму, наливает в горячий чай коньяка и стучит зубами от холода и от страха, пока за окном не начинает светать.

Я ПЛЮС ДОКТОР. ЛЕТО.

Он сидит на берегу, поджав ноги и обхватив руками колени. В сумерках его лицо кажется бледным и по-детски трогательным. Похоже, что за последнее время он похудел и осунулся. Ему грустно. Он грызет травинку и смотрит в никуда.

Я лежу на воде рядом с берегом и смотрю в небо. Редкие облачка там становятся все темнее, а между ними уже проглядывает очень тонкий месяц, который несколько дней назад начал расти.

– Расскажи мне, что с тобой случилось, – говорю я.

Он вздыхает.

– Я не очень люблю рассказывать. Мне нравится слушать и смотреть. А слова подбирать я не умею...

– Со мной не нужно подбирать слова, – вкрадчиво начинаю я, но он перебивает:

– Вы все так говорите!

– Мы?

– Да, вы – женщины.

– Я не женщина, – возражаю я и вижу, как его тело сразу же становится напряженным.

– Ах да, извини...

– И чтобы рассказать мне что-то, совсем не обязательно говорить слова. Можно просто войти в воду. Вода почувствует тебя, а я – почувствую воду. Это всего несколько секунд. И тебе сразу станет легче.

Он с сомнением качает головой, как будто чувствует, что я вру. Как будто знает, что стоит ему войти в воду, и его песенка спета. Боится ли он этого? Не знаю, он слишком далеко от воды.

– Я уже говорил тебе, что купаться не хочу. Совсем.

Но не так просто отделаться от водяницы. В разгар охоты я становлюсь и хитрой, и изворотливой, и верные решения приходят ко мне сами собой, как будто приплывая по воде.

– А тебе не обязательно купаться. Сойдет любой контакт с водой. Сиди где сидишь и просто опусти в воду пальцы. Я узнаю все, что ты хочешь рассказать.

Конечно, так я не смогу получить над ним полную власть, но все-таки моя сила заденет его сердце. И в следующий раз ему будет гораздо сложнее мне сопротивляться. Он улыбается:

– Вот так просто?

– Да.

И тогда он опускает в воду руку. Его ладонь большая и сильная, с длинными, красивыми пальцами и обкусанными кончиками ногтей. Такие руки могут быть и страстными, и нежными. Вода вздрагивает и искрит где-то в глубине. Вода окутывает доктора, вода окутывает меняяаяаяая...

Изо всех сил сопротивляясь желанию взять его за руку и потянуть к себе, я закрываю глаза и слушаю то, что он хочет мне рассказать.

ДОКТОР МИНУС РЫЖАЯ. ВЕСНА

Притворяясь спящим, доктор дожидается, пока Рыжая уйдет на работу. Она поет в ванной, надеясь, что он услышит, встанет и придет к ней. Он не встает. Рыжая порхает по комнате, собирая белье, чулки и платье. Она прыскает на запястья духи, надеясь, что он почувствует их запах, который так ему нравится, и потянется к ней в полусне. Доктор не шевелится. Она разочарованно чмокает его в нос и выходит. Еще несколько минут он неподвижно лежит в постели, а потом встает и начинает собирать вещи. Откровенно говоря, у него не так уж много вещей. Несколько книг, плеер и диски, свитер и джинсы. Он складывает в сумку свою зубную щетку, свои футболки и носки, свою бритву и свой серебристый палм. Одевается и быстро оглядывается по сторонам: если что и забыл, нестрашно. Нет в жизни таких вещей, которые нельзя было бы купить заново. Доктор заваривает себе зеленый чай на кухне и думает о том, не написать ли Рыжей письмо. Вообще-то он думает об этом уже несколько дней: стоит ли написать ей письмо, когда он будет уходить? Или может быть, стоит сказать ей об этом? Лицо доктора сразу же становится грустным и измученным. О чем говорить с женщиной, от которой уходишь к другой женщине? Он аккуратно моет чашку и вытирает ее полотенцем. После чего застилает постель и уходит, заперев за собой дверь. Открепляет два ключа от брелка и опускает их в почтовый ящик. Доктор очень аккуратен и в общем-то честен, и если вечером Рыжая, швыряя из окна забытые им книги, назовет его бессердечным ослом, это будет несправедливо. У доктора есть сердце, даже слишком чувствительное, чем положено мужчине, и именно поэтому он совершенно бессилен перед велениями своего сердца. Он кладет свою сумку в багажник машины и уезжает, резко надавив на газ и ни разу не обернувшись.

Он открывает окно, закуривает и понимает, что счастлив – окончательно и бесповоротно. Камень в виде влюбленной Рыжей женщины снят с его шеи, прохладный весенний ветер треплет волосы и он может делать все, что ему заблагорассудится. В сущности, он может даже не ехать к той женщине, к которой уходит от Рыжей. Или может ехать не сразу. У него выходной, и сегодня, прямо сейчас, весь мир, хотя бы в радиусе ста километров, принадлежит доктору.

Он останавливается на светофоре и блаженно откидывается на спинку сиденья. Все-таки как это утомительно – любить женщину, которая регулярно плачет, иногда совершенно без повода. И еще утомительней – быть рядом с женщиной, которая хочет, чтобы ты принадлежал только ей, со всеми потрохами и эрекцией, в время как ты принадлежишь всему миру, и твоя эрекция, разумеется, тоже. Кажется, та вторая, к которой он уходит, это понимает. Вот и хорошо.

Доктор выбрасывает окурок, трогается на зеленый и делает музыку погромче, каждой клеточкой своего тела ощущая начало чего-то нового и значительного. Вот тут-то из узкого переулка вылетает маленькая шустрая машинка и бьет чисто вымытый бок докторского автомобиля. После резкого удара доктор несколько секунд сидит без движения. Потом осторожно пробует пошевелить руками и ногами. Они двигаются, как обычно. Доктор пытается открыть дверь, но уже догадывается, что будет дальше: двери снова заклинило. И снова вокруг собираются люди, ковыряют замки отвертками и ключами, разводят руками и кричат, что такого не бывает: чтобы ни одна дверь и ни одно окно не открывалось, хоть ты тресни. И он снова три часа сидит в машине в ожидании помощи, став причиной еще одной непомерной даже по московским масштабам пробки. По крайней мере, в этот раз за окном не идет снег, а бензина достаточно. И тем не менее, доктора не покидает смутная мысль, что его обидно надули в самом начале нового и значительного. Если бы он знал, что именно в этот момент на работу в пятизвездочный отель Шарм Эль Шейха довольно небрежно принимают нового повара с сомнительной биографией, тревога доктора стала бы куда более ощутимой.

Когда ему удастся выйти из машины, оформить дорожное происшествие и отбуксировать свою машину в автосервис, солнце начинает клониться к закату, и он почти бегом бежит в метро, понимая, что ему как воздух нужна та, к которой он уходит от Рыжей. Он бежит по платформе, потом вверх по эскалатору и по улице. Одним прыжком справляется с тремя ступеньками и врывается в лифт. Он нажимает на кнопку шестого этажа и начинает заранее расстегивать куртку. Вот тут-то, в шахте между вторым и третьим этажом что-то щелкает и заедает. Лифт останавливается и предоставляет доктору сколько угодно пинать закрытые двери и жать на безжизненную красную кнопку аварийного вызова. Аккумулятор его мобильного телефона разряжен, и только через полчаса ему удастся установить контакт с внешним миром, докричавшись до хмурой женщины с тяжелыми сумками, которая, проклиная судьбу, пешком тащится наверх. Доктор садится на грязный пол и закрывает глаза, представляя, как буквально в нескольких метрах не находит себе места та, к которой он так торопится. Он даже не вспоминает о том, что Рыжая уже должна была вернуться домой и обнаружить его отсутствие.

И как раз в этот момент в аэропорту Доминиканской Республики, из-за дурацкого недопонимания с билетами, на самолет не пускают русского туриста, который три недели назад оплатил тур в маленьком офисе Рыжей Анны. Турист в бешенстве сжимает кулаки в зале ожидания, глядя, как его самолет берет разбег, поднимается в воздух и на секунду замирает в высоте, окутанный клубами дыма, перед тем как разорваться миллионами маленьких разноцветных огней.

Засыпая вечером в объятиях белокурой женщины доктор думает о том, что сейчас было бы очень кстати как следует накатить. Как на зло, она любит бегать по утрам и не признает алкоголя. Примерно в это же время незнакомый доктору русский турист падает без чувств в баре аэропорта Доминиканской Республики, оказавшись не в силах и дальше праздновать свое чудесное спасение.

В апреле доктор не видит ничего, кроме белокурых волос на своей подушке. В мае он признается себе, что чувство, поглотившее его сейчас, нельзя даже сравнивать с тем, что испытывал раньше. И даже очевидная полоса невезения не вызывает ничего, кроме мелкой досады. Доктор попадает в пробки, спотыкается на лестнице и обнаруживает, что его любимые сигареты с душистым табаком почему-то сняты с производства. За два месяца он трижды просит самую симпатичную медсестру отделения помочь с перевязкой, один раз сам себе делает укол от столбняка и в конце мая только чудом спасается от зубов бешеной собаки. Доктор не то чтобы совсем не замечает этих происшествий, но они кажутся слишком глупыми и бессмысленными по сравнению с другим – большим и значительным. И конечно же, он никак не связывает снятые с производства сигареты и бешеную собаку с летаргической тоской Рыжей.

И напрасно на другом конце города Анна замирает от каждого телефонного звонка, представляя, что доктор наконец-то осознал свои ошибки. Если доктор и вспоминает о ней, то лишь потому что до сих пор чувствует себя немного виноватым: ни письма, ни объяснений... Согласитесь, что, как ни крути, это выглядит совсем некрасиво.

Но как-то в начале лета звон будильника прерывает очень правдоподобный сон доктора, в котором он целует Рыжую Анну, одновременно сжимая рукой ее левый сосок. Проснувшись, доктор озадаченно облизывает пересохшие губы и идет в душ. Целый день он не может отделаться от ощущений своего совершенно неуместного сна, а вечером решает навестить Рыжую. Он не звонит ей, чтобы предупредить о своем приходе. Он не знает, поднимется ли к ней в квартиру или ограничится взглядом на светящееся окно. Он даже не думает, зачем, собственно, едет к ней и что собирается делать, если она вдруг окажется дома и захочет впустить его внутрь. После работы доктор ведет машину по темнеющим, пустынным улочкам центра. Окна Рыжей не горят. Ее нет дома? Или она сидит в темноте, вспоминая о нем? Доктор некоторое время остается в машине, а затем, так и не составив четкого плана действий, выходит и звонит в домофон. Она не отвечает. Ее нет.

Не очень понимая почему, доктор врет по телефону белокурой женщине, что задерживается на работе, и три с половиной часа сидит в машине под темными окнами Рыжей. Она появляется после полуночи. Но выглядит так странно, что доктор не сразу ее узнает. Она проходит в двух шагах от его машины, так близко, что через открытое окно он может уловить движение воздуха вокруг нее. Ее рыжие волосы растрепанные и мокрые, ее глаза горят каким-то маниакальным светом и смотрят в никуда. Но сильнее, чем это, доктора удивляет ее походка. Рыжая не идет, а летит, или, может быть, плывет. Ее руки плавно колыхаются в такт движениям тела, а весь ее облик дышит таким ощущением свободы и покоя, что доктор, уже собравшийся было окликнуть бывшую любовницу по имени, растерянно молчит. Он никогда не видел Рыжую такой. Она проходит мимо, не обратив на него ни малейшего внимания, открывает дверь и исчезает в подъезде.

Поздно ночью доктор старательно обнимает белокурую женщину в ее постели, но за десять секунд до оргазма у него перед глазами возникает Рыжая мокрая Анна с глазами, которые смотрят в никуда, и тотчас же мир вокруг доктора взрывается и летит к чертовой матери.

Он уверен, что после всего этого моментально заснет, но не тут-то было. Доктор ворочается с боку на бок, проклиная дурацкие шутки подсознания. Сон сваливается на него только под утро, причем Анна появляется в нем виде смеющейся голой женщины, и запах ее рыжих волос окутывает доктора, затягивая на дно.

Утром оказывается, что будильник не прозвенел и доктор безнадежно опоздал на работу. И вот тут где-то внутри него тоже вскипает волна. Она выносит на поверхность всю его досаду и растерянность, его желание вечно быть свободным и мечту раствориться в женщине, все его благие намерения, его светловолосую любовницу, которая прямо сейчас напевает в ванной, и Рыжую, которая хоть убейте, не идет из головы с той самой минуты, как он сжал во сне ее левый сосок. Вскипая, волна превращается в цунами сокрушительной силы, и не в силах сопротивляться и не понимая причин, доктор орет на светловолосую женщину, будто она виновата в том, что его словно раздирают надвое.

Вместо того, чтобы спешить на работу, доктор хватается за будильник. Стрелки показывают 5.30 и не двигаются с места. Он меняет батарейки, но ничего не происходит. Он пытается влезть в механизм, но разумеется, ничего в нем не понимает. По дороге в больницу он сдает часы в ремонт, а по дороге обратно выслушивает очень странный диагноз подвыпившего немолодого часовщика:

– Не знаю я, что с вашим будильником. Вроде все в порядке, механизм отличный. А идти не хочет.

– Почему? – удивляется доктор.

– А вот это вы у него спросите, – ухмыляется часовщик и не берет с доктора денег.

Доктор садится в машину и колесит по городу. Медленно петляет по узким улицам центра, проезжает мимо парка, бездумно несется по Кольцевой, наблюдая за тем, как стрелка спидометра уходит далеко за сто двадцать. Вот тогда-то ему в первый раз приходит в голову мысль о том, что новое и значительное оказалось всего навсего ведром воды. Его выливают тебе на голову, и ты не можешь не промокнуть. Но когда вода высыхает, ничего не остается, и только одежда, которая стала жесткой и царапает кожу, напоминает о том, что было. Поздно ночью доктор снова орет на светловолосую женщину – так, что ей первый раз в жизни становится по-настоящему страшно.

Несколько дней доктор уговаривает себя, что ничего подобного не будет. Что он не поедет больше к Рыжей, не станет караулить ее под окнами и допытываться, откуда она появилась среди ночи с таким лицом. Он оставит ее в покое раз и навсегда, он посвятит себя новому и значительному. После его ухода прошло почти три месяца. Так зачем ворошить прошлое? Зачем реанимация? Он же не верит в реанимацию отношений, сам же об этом много раз гово-

рил и весело смеялся. Примерно с этими мыслями в голове он после работы садится в машину и едет к Рыжей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.